

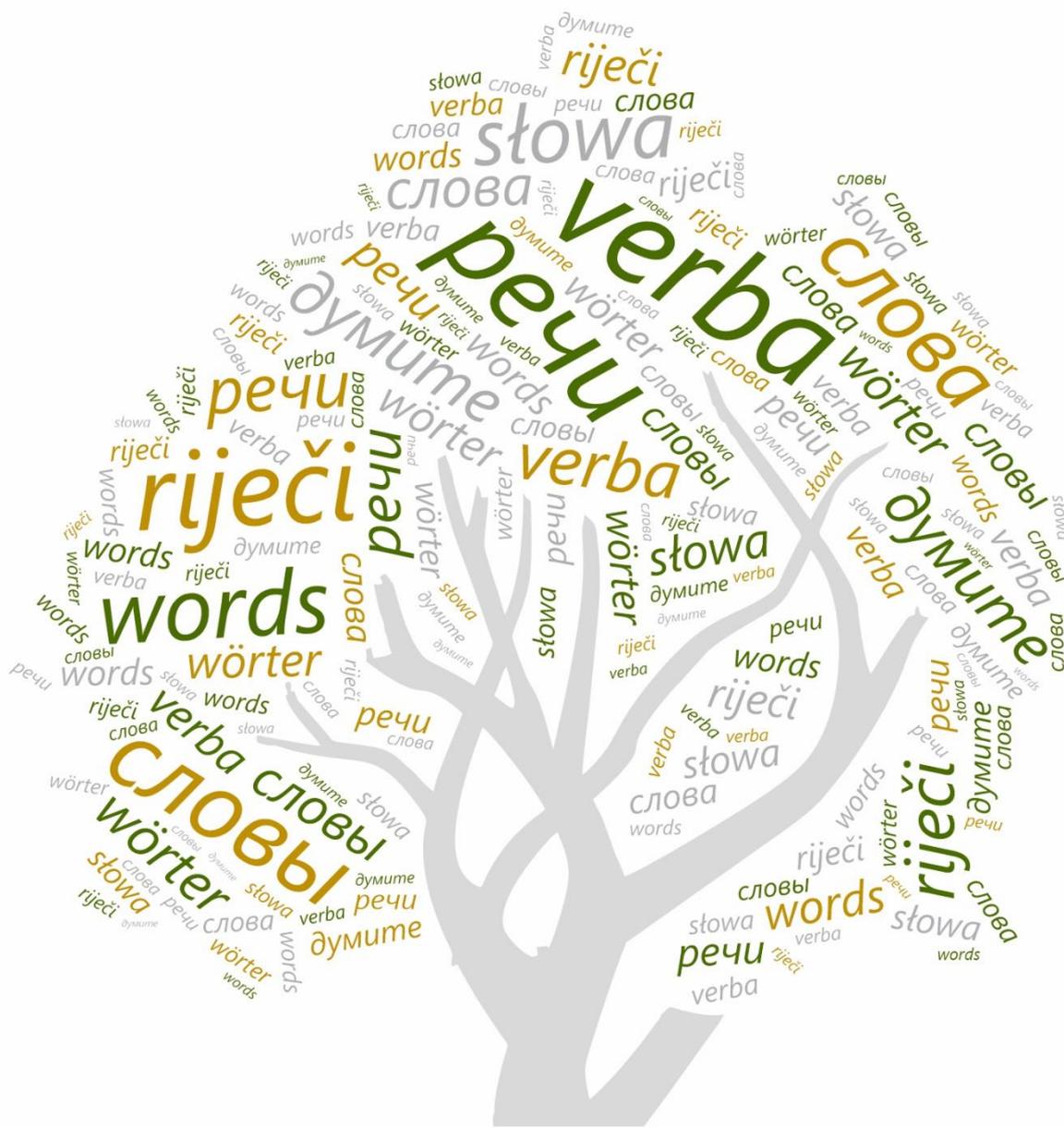

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 3(17) 2025

ISSN 2713-0665 (Online)

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

Сетевое периодическое научное издание

3(17) 2025

ISSN 2713-0665 (Online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ

Эл № ФС77-80208 от 22.01.2021 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2021 г.

Периодичность: не менее 4 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, ауд. 1305
тел.: +7 (8162) 33-88-30 (доб. 2294)
e-mail: verba@novsu.ru

Сайт издания: <https://verba.press>

Ответственный редактор: Е. Спешилова

Редактор перевода: О. Наволоцкая

Дизайн обложки: В. Фромов

Макет: Т. Григорьева

Разработка сайта: А. Ни

Дата выхода: 24.10.2025

© НовГУ, 2025

© Авторы статей, 2025

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Т.В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В.И. Макаров, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

А. Бирих, доктор филологических наук, профессор; Трирский университет, Трир, Германия

Х. Вальтер, доктор филологических наук, профессор; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальда, Грайфсвальд, Германия

В.Л. Васильев, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Заика, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Коваль, доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

К. Кусаль, доктор филологических наук, профессор; Гуманитарно-экономическая Академия, Лодзь, Польша

В.И. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Т.Г. Никитина, доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет, Псков, Россия

Б.Ю. Норман, доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

М. Рак, доктор филологических наук, профессор; Ягеллонский университет, Краков, Польша

Ж. Финк, доктор филологических наук, профессор; Загребский университет, Загреб, Хорватия

Содержание

Content

От главного редактора.....	4	From Editor-in-Chief.....	4
----------------------------	---	---------------------------	---

Диалектный словарь / Dialect dictionary

Диалектный словарь как источник лингвистической информации		Dialect dictionary as source of linguistic information	
<i>В. Г. Дидковская</i>	8	<i>V. G. Didkovskaya</i>	8
Новый источник «Псковского областного словаря»: мифологическая проза		New source of Pskov Regional Dictionary: mythological prose	
<i>Н. В. Большакова</i>	20	<i>N. V. Bolshakova</i>	20

Региональная ономастика / Regional onomastics

Гидронимия на -иха в исторических Новгородско-Псковских землях		Hydronymy in -ikha in historical Novgorod-Pskov lands	
<i>В. Л. Васильев</i>	30	<i>V. L. Vasiliev</i>	30

Диалектное слово: грамматический аспект / Dialect word: grammatical aspect

Номинативное гнездо как способ описания диалектной лексики		Application of nominative families as method of dialectal vocabulary description	
<i>Ю. И. Андреева</i>	41	<i>Yu. I. Andreeva</i>	41
Негативно-приставочная лексика народных говоров в аспекте морфемной синтагматики		Negative-prefix lexicon of vernacular dialects in relation to morpheme syntagmatics	
<i>Н. В. Большакова, Т. В. Лысенкова</i>	54	<i>N. V. Bolshakova, T. V. Lysenkova</i>	54

От главного редактора

V

Дорогие коллеги,
авторы и читатели!

Этот номер журнала – мемориальный: он посвящен памяти Веры Павловны Строговой (1924—1996).

Работая на кафедре русского языка Новгородского педагогического института с 1958 года, Вера Павловна занималась преподаванием истории русского языка и диалектологии, а также руководила изучением новгородских говоров. Созданная за долгие годы картотека стала основой новгородского областного словаря, изданного в виде 12 выпусков-«тетрадок» в 1992–1995 гг. и получившего высокую оценку лингвистов, как показывает, например, рецензия А. Ф. Журавлева¹.

Уже без Веры Павловны ее коллеги Лидия Яковлевна Петрова и Антонина Васильевна Клевцова продолжили работу над словарем, и в 2010 г. он был издан Институтом лингвистических исследований РАН в виде солидного академического тома², пополнив сокровищницу лексикографических описаний русских говоров и став достоянием всех исследователей российской диалектологии. Как указано в аннотации к академическому изданию словаря, он включает описание 25 000 диалектных слов и 2 600 фразеологизмов, а также указатели фразеологизмов, топонимов, прозвищ и обратный индекс. Оценки этого издания словаря высказывались учеными разных специальностей неоднократно³.

Кроме этого фундаментального словаря, Вера Павловна издала три частных «словарика»: «Как говорят в Новгородском крае» (1991) – описание ландшафтной лексики; «Древние топонимы Новгорода и его окрестностей» (1993) и «Названия улиц древнего Новгорода» (1995). Вторая из этих книг была издана повторно в 2012 г. – с дополнениями историка Людмилы Андреевны Секретарь и фотографиями Александра Ивановича Орлова; там же воспроизведена статья с биографическими данными о В. П. Строговой⁴. Это существенно расширило круг читателей словаря.

¹ Журавлев, А. Ф. (1996). Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород. 1992–1995. *Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда*, 3, 288–294.

² *Новгородский областной словарь* (2010). Санкт-Петербург: Наука.

³ Толстая, С. М. (2017). Заметки на полях «Новгородского областного словаря». *Ученые записки НовГУ*, 3(11), 1–5; Цветкова, Е. В. (2017). Новгородский областной словарь как источник топонимических исследований (новгородская и костромская микропонимия). *Ученые записки НовГУ*, 3(11), 1–6; Кобелева, И. А. (2020). «Новгородский областной словарь»: потерянная фразеология. *Севернорусские говоры*, 19, 315–329; Бусикова, А. С. (2024). «Новгородский областной словарь» как источник по истории ткачества. *Историческое вече: проблемы отечественной истории и археологии: сборник статей Второй Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и молодых ученых, Великий Новгород, 08–10 февраля 2023 г.* (с. 208–216). Великий Новгород: Новгородский государственный университет.

⁴ Сергеева, Л. Н. (2007). Вера Павловна Строгова (1924–1996). *Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филология*, 43, 80–81.

Итак, научное наследие Веры Павловны Строговой хорошо известно, оно живет в трудах лингвистов, историков, в восприятии читателей, которые интересуются языком новгородской земли. Наш номер журнала – дань памяти и глубокого почтения к знатоку и исследователю новгородского слова. Этот номер включает статьи новгородских и псковских лингвистов, связанных с изучением диалектной речи.

В первую рубрику «**Диалектный словарь**» входит статья *Виктории Генриховны Дидковской*, которая работала с Верой Павловной, а теперь использует словарь для получения нетривиальных сведений – «Диалектный словарь как источник лингвистической информации». Псковский диалектолог *Наталья Валентиновна Большакова* в статье «Новый источник “Псковского областного словаря”: мифологическая проза» рассуждает о псковском диалектном словаре и его источниках. Как предмет лингвистических забот, диалектный словарь не уходит из сферы внимания лингвистов, хотя подходят они к нему по-разному.

Вторая рубрика «**Региональная ономастика**» состоит из статьи *Валерия Леонидовича Васильева*, который работал с Верой Павловной, а сейчас – сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН. Объект описания в статье – «Гидронимия на *-иха* в исторических Новгородско-Псковских землях» – в кругу интересов Веры Павловны и многолетних исследований Валерия Леонидовича. Статья вводит в научный оборот результаты анализа мотивированности одного типа региональных гидронимов, демонстрируя возможности этой модели.

Завершает номер рубрика «**Диалектное слово: грамматический аспект**», в которой публикуются статьи молодых исследователей, посвятивших свои труды изучению диалектного слова. *Юлия Андреева*, уже выступавшая на страницах нашего журнала, предлагает результаты исследования лексики анималистической семантики, пользуясь материалами Новгородского областного словаря. А преподаватель Псковского университета *Татьяна Лысенкова* вместе с научным руководителем *Натальей Валентиновной Большаковой* представляет опыт описания одного типа диалектного слова с префиксом отрицательной семантики.

В целом статьи этого номера журнала показывают, что научные изыскания Веры Павловны Строговой остаются актуальными для современных диалектологов, а ее идеи и результаты научных трудов, в первую очередь лексикографические описания, продолжают служить развитию диалектологии. Благодарю сердечно авторов этого номера – новгородских, псковских, московских, посвятивших свои тексты памяти человека, много сделавшего для изучения диалектологии.

Особая благодарность рецензентам – докторам филологических наук Валерию Леонидовичу Васильеву из Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, а также Татьяне Геннадьевне Никитиной и Елене Ивановне Рогалевой из Псковского университета.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

Letter from the Editor-in-Chief

Dear colleagues, authors and readers!

This issue of the journal is dedicated to honoring the memory of Vera Pavlovna Strogova (1924–1996).

Since 1958, Vera Pavlovna worked in the Department of the Russian Language at the Novgorod Pedagogical Institute. Her scholarly focus encompassed the history of the Russian language and dialectology, with particular emphasis on supervising the study of Novgorod dialects. Over many years, she compiled a card index that served as the foundation for the Novgorod Regional Dictionary, published in 12 volumes from 1992 to 1995, which received high praise from linguists; this is exemplified by the review authored by A. F. Zhuravlev¹.

Even after her passing, Vera Pavlovna's colleagues, Lidiya Yakovlevna Petrova and Antonina Vasilyevna Klevtsova, continued work on the dictionary. In 2010, the Novgorod Regional Dictionary was published by the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences as a comprehensive academic volume², enriching the collection of lexicographic descriptions of Russian dialects and becoming a valuable resource for all scholars engaged in dialectology. According to the annotation of the academic edition, this dictionary describes 25,000 dialect words and 2,600 phraseological units, including indexes of phraseological units, toponyms, nicknames, and a reverse index. Its scholarly value has been reaffirmed through multiple evaluations by specialists across various disciplines³.

Apart from this fundamental dictionary, Vera Pavlovna authored three specialized «dictionaries»: «As They Say in the Novgorod Region» (1991), a description of landscape vocabulary; «Ancient Toponyms of Novgorod and Its Environs» (1993); and «Street Names of Ancient Novgorod» (1995). The latter was republished in 2012, with supplementary material by historian Lyudmila Andreyevna Sekretar and photographs by Alexander Ivanovich Orlov. This edition also features a biographical article about Vera Pavlovna⁴, significantly expanding her readership.

Vera Pavlovna Strogova's scholarly legacy continues to resonate within the fields of linguistics and history, enriching the understanding of the language of the Novgorod region. The journal issue aims to pay tribute to her memory and to honor her contributions as

¹ Zhuravlev, A. F. (1996). Novgorod regional dictionary. 1–12 Vols. Novgorod. 1992–1995. *Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*, 3, 288–294. (In Russian).

² *Novgorod Regional Dictionary* (2010). St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

³ Tolstaya, S. M. (2017). Notes on the margins of “Novgorod Regional Dictionary”. *Memoirs of NovSU*, 3(11), 1–5. (In Russian); Tsvetkova, E. V. (2017). Novgorod Regional Dictionary as a source of toponymical investigations (Novgorod and Kostroma micro-toponymy). *Memoirs of NovSU*, 3(11), 1–6. (In Russian); Kobleva, I. A. (2020). Novgorod Regional Dictionary: Lost phraseology. *Northern Russian Dialects*, 19, 315–329. (In Russian); Busikova, A. S. (2024). The *Novgorod Regional Dictionary* as a source on the history of weaving. *Historical Assembly: Problems of National History and Archaeology: Collection of Papers of the Second All-Russian Scientific Conference with International Participation of Students and Young Scientists, Veliky Novgorod, 2023, 8–10 February* (pp. 208–216). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

⁴ Sergeeva, L. N. (2007). Vera Pavlovna Strogova (1924–1996). *Vestnik NovSU. Philology*, 43, 80–81. (In Russian).

an expert and researcher of the Novgorod linguistic landscape. Included are articles by linguists from Novgorod and Pskov regions, which explore various aspects of dialectal speech.

The first section, **Dialect Dictionary**, features the article by *Victoria Genrikhovna Didkovskaya*, her former colleague, who employs the dictionary as a research tool: "Dialect Dictionary as Source of Linguistic Information". The article "New Source of Pskov Regional Dictionary: Mythological Prose" by *Natalya Valentinovna Bolshakova*, a Pskov dialectologist, discusses the Pskov dialect dictionary and its sources. As a subject of linguistic concern, dialect vocabulary remains a constant focus for linguists, although their approaches vary.

The second section, **Regional Onomastics**, presents the article by *Valery Leonidovich Vasiliev*, who collaborated with Vera Pavlovna and is now a researcher at the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. His work "Hydronymy in -ikha in Historical Novgorod-Pskov Lands" reflects a research interest shared by Vera Pavlovna and represents the long-standing scholarly pursuits of Valery Leonidovich. The article introduces the results of an analysis of the underlying motivations for a specific type of regional hydronym, effectively demonstrating the model's potential for further onomastic studies.

The final section, **Dialect Word: Grammatical Aspect**, features articles dedicated to the study of dialect words. *Yulia Andreeva*, who has previously contributed to our journal, presents the results of a study on the lexicon of animalistic semantics based on materials from the Novgorod Regional Dictionary. *Tatyana Lysenkova* from Pskov State University, together with *Natalya Valentinovna Bolshakova*, offers an account of the description of a type of dialect word with a negative semantic prefix.

The articles in this issue collectively demonstrate the enduring relevance of Vera Pavlovna Strogova's research to contemporary dialectologists. Her scholarly legacy, particularly her lexicographic descriptions, continues to significantly contribute to the advancement of dialectology. I extend my sincere gratitude to the authors of this issue – from Novgorod, Pskov, and Moscow – who have dedicated their contributions to honoring the memory of this esteemed scholar, whose work has greatly influenced the study of dialectology.

Special thanks to the reviewers – Doctors of Philology Valery Leonidovich Vasiliev from the V. V. Vinogradov Institute of Russian Language Studies of the Russian Academy of Sciences, as well as Tatyana Gennadyevna Nikitina and Elena Ivanovna Rogaleva from Pskov State University.

See you soon on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ / DIALECT DICTIONARY

Диалектный словарь как источник лингвистической информации

В. Г. Дидковская

Dialect dictionary as source of linguistic information

V. G. Didkovskaya

Дидковская Виктория Генриховна – доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: pobeda.49@yandex.ru

Статья поступила: 15.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

В предлагаемой статье обобщены и представлены некоторые результаты одного из возможных подходов к научной интерпретации материалов Новгородского областного словаря. Автор рассматривает контексты употребления диалектного слова в словарной статье как диалектный дискурс. В совокупности они обладают такими свойствами дискурса, как целостность, коммуникативность, субъектность, связь с экстралингвистическими факторами. Предметом анализа в статье являются иллюстрирующие примеры слов тематической группы *Выпечные изделия*.

Ключевые слова: диалектный дискурс, иллюстративный контекст, словарь, тематическая группа, элементы дискурса

УДК 81`474:81`282(470.24)

Victoria G. Didkovskaya – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2825-6409

Received: 15.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

This article summarizes and presents some results of one possible approach to the scientific interpretation of materials from the Novgorod Regional Dictionary. The author examines the contexts of dialect word use in dictionary entries as dialect discourse. Collectively, they possess such discourse properties as integrity, communicativeness, subjectivity, and connection with extralinguistic factors. The article analyzes illustrative examples of words from the thematic group *Baked Goods*.

Keywords: dialect discourse, illustrative context, dictionary, thematic group, discourse elements

OECD: 6.020Y

V

«Нет, не словарь лежит передо мной, а древняя рассыпанная повесть» – эта строчка из стихотворения С. Я. Маршака относится и к Новгородскому областному словарю, который можно рассматривать как энциклопедию, в которой собраны сведения об уходящей в прошлое духовной и материальной культуре жителей Новгородского края, отраженной в их языке, в словах и предложениях.

Но кроме того, это еще и повесть о Вере Павловне Строговой, о ее почти сорокалетних трудах (с 1958 г.) по его созданию и выходу в свет (первый выпуск в 1992 г.). Этот словарь – свидетельство ее научной добросовестности, необыкновенного трудолюбия и любви к живому слову. Я уверена, что в нем заключено еще много важных, интересных «повестей» о новгородском диалекте и его носителях (а может быть, и новых словарей), которые только нужно из него извлечь.

Постановка проблемы. Формой отражения и закрепления состояния языка и его разновидностей в разные исторические периоды являются словари. Но словари

выполняют не только функцию регистрационную и накопительную, они одновременно могут быть и являются компактной формой представления научных достижений лингвистической науки: «В конце XX в. стало очевидным, что любая лингвистическая идея может быть оформлена и представлена лексикографически» [Скляревская, 2015, с. 173]; это положение, несомненно, относится и к новым научным идеям в области теоретической и практической диалектологии.

Традиционно диалектные словари рассматриваются как источник сведений об уходящей реальности, закреплённой в лексическом составе современных диалектов. Так, Е. В. Брысина, подчеркивая высокую значимость диалектных словарей, пишет: «<...> в диалектной речи жителя сельской местности обнаруживаются уникальные черты постигаемого им мира, специфика познания и интерпретации окружающей действительности, что находит отражение прежде всего в семантике слов и фразем, номинирующих и характеризующих познанное. Это позволяет рассматривать диалектный словарь как культурно маркированный текст, концентрирующий в себе различные виды этнокультурной информации, связанной с историей, традициями, бытом народа в его прошлом и настоящем» [Брысина, 2018, с. 164]. Однако задачи научного изучения диалектной речи гораздо шире, прежде всего благодаря тем возможностям, которые предоставляют исследователям диалектные словари.

Антропоцентризм современных лингвистических исследований характеризуется усилением внимания к изучению языковой способности человека, особенностей речевого поведения людей разных территориальных, социальных, возрастных групп. В этом отношении диалектным словарям принадлежит особая роль: «Воплощая многолетний труд их составителей, словари оставляют потомкам картину живой речи народа» [Козырев, Черняк, 2016, с. 20]. Информацию об этой речи мы получаем из словника диалектного словаря, который в этом случае может быть представлен как особый тип текста. Восприятие корпуса словаря, в том числе диалектного, как текста в настоящее время уже ни у кого не вызывает возражений (работы Н. В. Большаковой, Ю. Н. Грицкевич, Т. А. Демешкина и др.), причем особое внимание лексикографы обращают на эмпирическую часть, подчеркивая ее ведущую роль в текстовой организации диалектного словаря. О. Г. Борисова отмечает: «<...> цитатный фонд не только служит дополнительным средством, подтверждающим значение лексической единицы, ее стилистические особенности, зафиксированные при помощи соответствующих помет, но и отражает в самобытной народной речи жизнь слова и жизнь человека в слове, выступая как форма вербализации регионального сознания» [Борисова, 2015б, с. 42]. Иными словами, словари фиксируют не только диалектную лексику, в них «присутствуют» сами носители диалектного материала, или, как писал А. С. Герд, «не единица языка, а человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» [Герд, 2005, с. 10]. Как следствие, оказывается возможным проследить не только то, как диалектное слово фиксируется и обрабатывается записавшим его носителем литературного языка для включения в диалектный словарь, но и выявить, как употребляют это слово в своей повседневной речи носители диалекта.

Цель нашей статьи – выявить возможности использования иллюстративных контекстов в словарных статьях Новгородского областного словаря (НОС) для изучения диалектного дискурса и его особенностей.

История вопроса. Несмотря на активное изучение словарей как самостоятельного объекта лингвистического исследования, «белым пятном при их рассмотрении оказалось осмысление ввода “оправдательных цитат” (а лучше – типизированных контекстов)» [Ильенко, 2003, с. 615]. А между тем их роль в составе словарной статьи и всего словаря значительна: «Они как бы завершают естественный лингвистический круговорот, в котором толкование значения слов, вырастая из контекстов, вновь ими подкрепляются, <...> копируя в определенном смысле путь индивидуального языкового сознания» [там же]. Для диалектной лексикографии внимание к контекстной части словарных статей является следствием формирования новых направлений изучения русской диалектологии; назовем такие, как диалектная лингвоперсонология, лингвокультурологическое, когнитивно-дискурсивное. В последнем случае исследовательское значение иллюстративного материала обусловлено тем, что он не только конкретизирует информацию, содержащуюся в диалектном слове, то есть дает представление «о жизни слова», но и позволяет получить сведения о «жизни человека в слове», то есть о том, как носители диалекта организуют свою речь в новой для них ситуации объясняющей деятельности. Об этом писала Вера Павловна Строгова в образном и поэтическом предисловии к своей книге «Как говорят в новгородском крае», вышедшей в 1991 г.: «Иллюстрации к толкуемым словам помогут вникнуть в особенности живой речи, понять красоту яркого народного слова» [Строгова, 1991, с. 4].

В исследованиях последнего десятилетия иллюстративные контексты употребления диалектного слова в словарях, даже небольшие, предлагается рассматривать в совокупности как диалектный дискурс: «Взаимосвязанные по разным основаниям, в том числе тематически, диалектные тексты, составляя корпус диалектного дискурса, репрезентируют реальность, позволяя реконструировать значимые для носителей диалекта фрагменты языковой действительности» [Грицкевич, 2017, с. 99]. Поскольку диалектный дискурс недавно стал объектом научного изучения, то его определение и описание еще находятся в стадии становления. Н. В. Большакова предлагает определять его в широком смысле с учетом общих характеристик дискурса, считая наиболее плодотворным его понимание применительно к диалектным материалам «как результата речевого поведения, который обусловлен, “как и все языковые явления, совокупностью социокультурных и ситуативных факторов, влияющих на коммуникацию”» [Большакова, 2009, с. 8]. В то же время она отмечает важнейшую, на наш взгляд, особенность диалектного дискурса: его коммуникативный дуализм, поскольку в записях диалектной речи представлены дискурсы участников коммуникации – диалектоносителя и собирателя: «В двуединстве дискурса диалектоносителя и дискурса собирателя рождается весь массив диалектных текстов, отражающих естественную народную речь» [Большакова, 2009, с. 8].

Возможности изучения диалектного дискурса с использованием диалектных словарей обусловлены самим характером иллюстрирующих примеров, представляющих собой фиксацию устной речи. Эти записи отражают черты реальной

коммуникации: внеязыковую действительность, особенности коммуникативных ролей ее участников, их социальные и возрастные характеристики и др. Т. А. Демешкина выделяет и рассматривает такие сущностные характеристики диалектного дискурса, как собственный набор речевых жанров, статусно-ролевые отношения коммуникантов, виды знаний, различные по типу получения и способам языковой обработки [Демешкина, 2017, с. 140]. Так, преобладающими в диалектном дискурсе она считает жанры Воспоминание и Биографический рассказ, отмечает эмпирический характер диалектных знаний, который отражается в преобладании событийных пропозиций, к отличительным особенностям языкового оформления диалектного текста относит ориентацию на передачу чужой речи и повествовательность [Демешкина, 2017, с. 141–143].

Отметим, что в диалектном дискурсе может содержаться информация, отражающая языковую рефлексию говорящего, возникающую, как правило, в ответах-реакциях на вопросы диалектолога: такие высказывания называют метаязыковыми. В статье «Метаязыковая рефлексия в иллюстративной зоне Новгородского областного словаря» А. В. Батулина рассматривает языковые показатели метаязыковых суждений в диалектных контекстах, которые разделяет на собственно метаоператоры, для которых метаязыковая функция является основной первичной, и аналоги метаоператоров, которые являются косвенными сигналами языковой рефлексии [Батулина, 2016, с. 8–9]. Анализ такого рода контекстов позволяет, по мнению автора, говорить о существовании в сознании носителей диалекта представлений о социальной и территориальной неоднородности языка [Батулина, 2016, с. 12].

Результаты новых исследований диалектной лексики закономерно отразились в появлении новых по целям и содержанию словарей: это не только идеографические, этнолингвистические, лингвоэтнографические словари, словари диалектной языковой личности, но и словари коммуникативного типа (дискурсивные). О. Г. Борисова, автор полисистемного «Словаря кубанских говоров», предложила для них особую форму подачи оправдательного материала в иллюстративной зоне словарной статьи – лексорасказ: «Лексорасказ представляет собой микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой лексической единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [Борисова, 2015а, с. 199].

Важнейшим источником для изучения диалектного дискурса служат не только словари, но и материалы словарных картотек, архивные материалы. Приведу одну из записей живой диалектной речи, сделанной В. П. Строговой во время диалектной экспедиции 1965 г.: *Репницу варили ис калики. Начистим калики, наливали молоком, ставили в печку и ели, жидиньки, как кисель. Мелко резали, варились, как каша, токо репница под названием, а не каша. Чугун калики напарим в посной день, она красная спарице, слаткая. В еты годы и калики нет. На посетку две каличины принесу и едим...*

Отметим, что картотека НОС, насчитывающая более 400 000 карточек, содержит интереснейшие записи диалектной речи новгородцев в 50-е – 80-е годы прошлого века, позволяющие получить представление о состоянии новгородского региолекта этого времени.

Методология и методика исследования. Относительная новизна термина дискурс и неопределенность его содержания обусловили тот факт, что его трактовка в последние несколько десятилетий существенно менялась (см., например, обзор в [Кривошлыкова, 2010, с. 42–47]). Новейшие исследования представляют дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, например, знания о мире, мнения, установки, цели адресата [Прохоров, 2006, с. 20–26]. Эти свойства дискурса закреплены в известном определении дискурса Н. Д. Арутюновой: «Дискурс (от фр. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Таким образом, сущностным признаком дискурса признается его прикрепленность к определенной социальной или профессиональной среде, к определенной конкретной обстановке: «Исследователи дискурса объединены стремлением изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения» [Кривошлыкова, 2010, с. 45]. Тем самым вполне оправданным является использования термина *диалектный дискурс* (наряду с *политический дискурс*, *дискурс детства* и др.) и выявление возможных подходов, аспектов, методов и приемов его изучения.

Объектом изучения в настоящей статье является новгородский диалектный дискурс в том виде, в каком он отражен в иллюстрирующих контекстах словарных статей НОС. Диалектный дискурс в его словарной форме образуется иллюстративной частью словарных статей, состоящей из контекстов употребления диалектного слова в устной речи информантов-диалектоносителей, записанной по определенным правилам собирателем. Уже само обозначение *новгородский диалектный дискурс* позволяет указать два его признака: локальность и региональность.

Как представляется, для изучения диалектного дискурса в словарной форме важными оказываются следующие подходы: 1) формальный, исследующий языковые единицы, образующие структуру дискурса; 2) коммуникативный, рассматривающий дискурс как передачу информации определенного содержания; 3) ситуативный или социокультурный, учитывающий обстоятельства общения, в первую очередь отношения собирателя и носителя диалекта, обусловленные их возрастными, культурными, социальными различиями и другими обстоятельствами общения. Эти подходы с разной степенью полноты реализуются при *дискурсивном анализе*, изучающем общие принципы построения дискурса. При этом учитываются не только языковые данные, но и экстралингвистические факторы (социокультурные, психологические, исторические и т. п.), обуславливающие разные типы дискурса. К методам дискурсивного анализа обычно относят анализ ключевых слов, коллокационный анализ, анализ сочетаемости, приемы статистического анализа.

В нашей статье в соответствии с особенностями объекта изучения – словарь как форма представления диалектного дискурса – ведущим методом исследования является описательно-аналитический, включающий в себя методики анализа словарных статей, компонентного анализа, приемы лингвокультурологического анализа.

Анализ материала. Источником анализируемого материала служит Новгородский областной словарь в его одготомном издании 2010 г. под редакцией С. Мызникова (далее примеры контекстов приводятся по этому изданию). Иллюстративные материалы НОС позволяют получить интересные сведения о диалектном дискурсе и его носителях: с одной стороны, в их составе выделяются примеры-высказывания, которые являются собственно фрагментами разговорной речи и выполняют коммуникативную функцию в естественной ситуации, и, с другой – высказывания диалектоносителей включают рефлексивные компоненты, содержащие оценку собственной речи.

Отметим, что способ иллюстрирования диалектного слова в словарных статьях определяется несколькими факторами – объективными (записанным от информанта диалектным контекстом) и субъективными (общими принципами использования диалектных записей, соответствующими интересам лексикографов): в НОС авторы отдавали предпочтение иллюстрациям, включающим одно или несколько предложений. Однако «даже небольшие контексты, приводимые в словарной статье <...> с учетом совокупности подобных текстов, представленной в словаре как система, дают возможность говорить о диалектном дискурсе и его особенностях» [Грицкевич, 2017, с. 98–99]. В предлагаемой статье контексты употребления одного и того же диалектного слова, имеющие разную территориальную прикрепленность, будем рассматривать как целостный текст, отражающий его роль в речи диалектоносителей.

Вместе с тем весь массив иллюстрирующих контекстов в словаре не может одномоментно стать источником для обобщений и выводов о специфике локального диалектного дискурса: это обусловлено разнообразием собранной в словаре лексики, в первую очередь ее семантикой, а также грамматическими свойствами и функциональной спецификой. Поэтому для дискурсивного анализа, как правило, привлекаются однородные языковые факты. В предлагаемой статье объектом анализа выбраны иллюстрирующие контексты слов, составляющих тематическую группу *Выпечные изделия*. Выбор этой группы обусловлен, во-первых, ее значимостью для диалектоносителей (этот вид пищи представляет собой важнейшую часть как ежедневного, так и праздничного рациона русского крестьянина, она сопровождает все важнейшие события и ритуалы в его повседневной жизни); во-вторых, слова этой группы, довольно объемной в количественном отношении (176 единиц), связаны между собой как собственно языковыми отношениями, так и экстралингвистически, что обеспечивает внутреннее единство (однотемность), которое является одним из признаков дискурса. В НОС присутствует слово общего значения, представляющее как бы имя-заглавие дискурса: **Печево** -а, ср. Выпечка. *Много и другого печева было. У нас мамушка пекла каждый день печево.*

Дискурс *Печево* представлен в материалах НОС в жанре *Кулинарный рецепт*, что обусловлено экстралингвистическим содержанием лексической группы: это рассказ о разного рода выпечных изделиях и способах их приготовления. Это обуславливает лексическое наполнение дискурса, обеспечивающее сообщение о видах выпечных изделий, продуктов из которых они изготавливаются, о действиях по их приготовлению. Информанты описывают печево по наличию / отсутствию начинки: *Это пироги безо всего, **пустяки** пекутся с одного теста без всякой*

начинки. *Маленькие круглые пироги аз квашеного, круто замешанного, густого теста, а начинка – варенье, это и есть наливайки;* по виду начинки: **Бруснушки** пекли с пареной и моченой брусникой. **Сердинник** – внутрь ложили крупу и селедку; открытые / закрытые: **Кокорка** – ржаная лепешка с приподнятыми бритками, **внутрь ложат** картошку или творог, потом мажут сверху сметаной или маслом. В **преснушки** начинку кладут **сверху**, краешки, позагнут, и все, а **пресняки** так делают как пирог, **закрывают**, только из пресного теста, потому так и зовут; по виду теста: Хоть **опекиши**, хоть **пироженцы**, у огня, у пыла пекутся, опекаются огнем, **из кислого теста. Тесто пресное и кислое, белое и оржаное, пекут на сковороды покашники.**

Употребление глагольной лексики в составе высказывания вместе с зависимыми словоформами позволяют представить последовательность кулинарных действий при приготовлении выпечных изделий: *растворишь тесто, сучишь (рассучиваешь, раскатываешь) скалом (скалкой), расколотишь тесто, ложкой кладут, смазывали маслом, пекут на сковороды, начиняют, начинку кладут, завяртывали, сворачивали в трубочку.*

Тип исследуемых контекстов можно определить как автобиографические воспоминания, что является общим признаком записей диалектной речи: *Теперь не знаю, что и поисть. Раньше-то с оржаной муки калиточки с картошкой по воскресеньям пекли, а с творогом-то все больше по праздникам. Мама каждую субботу напечет опекишей, то-то любили мы их.* Рассказчик актуализирует в повествовании план прошлого, соотнося его с настоящим; функцию актуализатора в рассмотренных контекстах выполняет, как правило, детерминант *раньше, ране, прежде, бывало: Раньше-то у нас русская печь была. Раньше пекли пироги собинники, очень вкусные, с начинкой. Прежде с гороховой муки на холодной воды тропанцы пекли. Лепешки с мятиной, со стрекавой, с голеницей, гороховые тропанцы пекли ране. Мать, бывало, рано утром встанет, напечет из толченой картошки сканцев.*

Отметим использование в высказываниях глагольных временных форм будущего времени для обозначения события в прошлом: *Мать, бывало, рано утром встанет, напечет...* Формы будущего времени в таких контекстах употребляются в значении настоящего неактуального (абстрактного), называющего обычные, типичные действия, в приведенном высказывании связанные с действием в прошлом. В отдельных контекстах можно предположить «скрытую историчность» глагольных форм будущего времени: *Сядешь за чай, когда придешь с церкви, а на столе и картошнички, и кокорочки, и поливальники на столе, оны политы маслом, пироги-то эти.* В такой конструкции свободно допускается вставка конкретизатора *бывало: Бывало, сядешь за чай...* Кроме того, в этом речевом фрагменте можно отметить совмещение трех временных планов повествования, например, будущего неактуального у глаголов в сочетании с причастной формой прошедшего времени и значения синтаксического настоящего в неполном предложении. Особенно интересны контексты, передающие живое восприятие распределения событий во времени с точки зрения рассказчика: *Бывало, по целому тыквеннику съедали, а теперь и не хочется.* В итоге, как пишет В. Е. Гольдин, «создается феномен

“мерцания” – прошлого / настоящего; вневременного / сиюминутного, другими словами, наблюдается как раз то, что типично для диалектного повествования – совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения» [Гольдин, 2009, с. 5].

Свойством диалектного кулинарного дискурса, как показали наблюдения, является отсутствие императивных конструкций, характерных для поваренных книг и кулинарий. В нашем материале найден только один контекст с инфинитивом с модальным значением рекомендации: *Свежую рыбу перво **ужарить**, а потом **класть**, а подольше посидит и испечется*. Кроме того, в отличие от книжных рецептов, кулинарные рассказы диалектного дискурса отличаются явной или скрытой диалогичностью, так как рассказчик обозначает свое участие в приготовлении печева и адресует свой рассказ слушателю-собирателю. Во втором случае описание процесса приготовления выпечки дополняется традиционной формулой приглашения к трапезе: *Бабахи и с картошки пекут, оны на блины похожи. **Садись есть бабахи**, только из печки, горячие. **Сканцы** – картофельные пироги. **Поешь садись**, у меня сегодня сканцы с капустой настряпаны*.

Ведущей особенностью анализируемого коллективного дискурса является его субъектность. Это свойство диалектного дискурса отмечается во всех работах, посвященных диалектному повествованию (см., например, [Гольдин, 2009; Большакова, 2009; Демешкина, 2017]). В центре повествования всегда оказывается сам рассказчик, так как, по замечанию В. Е. Гольдина, диалектное повествование никогда не отвлекается от субъектов ситуации-события. Заметим, однако, что способы проявления субъекта-повествователя в диалектных контекстах не ограничиваются только формами глагола. Безусловно, они являются самым очевидным и определенным средством формирования субъектности: форма 1 лица глагола относит действие к самому субъекту речи: *Завтра пережеников вам **напеку**. **Раскатаю** лепешку, из тыквы мездру **выну**, этаку мездру коровы, тыкву очистим да перерубим да кладем в пирог, это тыквенник. Скоро **буду** бабахи **печь***. Однако самыми частотными в иллюстративных материалах оказались контексты с обобщенным (*Рассучишь* тесто, скалка така, *подсыпешь* каши или крупы, *рыбу начистишь, прорежешь, положишь и зашьешь*, чтобы она прела, не было дырочки чтоб, на под клали, если под жаром...; *Растолкешь* такую лепеху, а потом, немного в печи *попечешь*; *накладываешь* картошки, или творогу, *сворачиваешь* пополам и *мажешь* маслом, *попечешь* еще и ешь сканец. Сегодня бабахи пекли, из оржаного пекли, *отбавишь* от теста из квашни на хлебы, потом, пожиге *разведешь*, ложкой кладут на сковороду и пекут, вот и бабахи. Сульчины со ржаной муки, *сучишь* скалом пресное тесто на маленькие блины. *Сучишь* тоненько, чуть-чуть пропекали в печи, потом в эти лепешки завятывали кашу с маслом. Есть ступа, картошку *толкем* на сканцы и курники пестом) или неопределенным субъектом (*Сульчины пекли* из ржаной муки, они пресные. Сульчины из пресного ржаного теста, *раскатывали* лепешками, *испекут* и *начиняют* кашей, картошкой. *Кладут* по две в сковородку, *меняют* их местам, чтоб не пригорели, и *пекут*, когда печка топится. *Берут* пшеничную кашу на молоке, не жидкую, и эту кашу *кладут* на середку сульчины и *макают* в масло. Сульчина из ржаной муки, пресная, ее тонко *рассучивают* скалкой, потом *пекут* и *ложат* туда кашу горячую, а потом сразу *едят*. Из теста

раскатывали блин, пекли его в печке, смазывали маслом, сверху клали начинку из картофельного пюре или из пшенной каши и сворачивали в трубочку).

Во всех приведенных контекстах повествователь является одновременно и действующим лицом, представленным определенно, обобщенно или неопределенно; на наш взгляд, это обусловлено типом знаний, которые являются содержанием диалектного дискурса, – это «опытные» знания, основанные на умениях самого рассказчика, вернее, рассказчицы, которые являются результатом коллективного опыта (так обычно делают).

Как представляется, субъектность диалектного дискурса проявляется в особой модальности повествовательных контекстов, когда информант выражает свое отношение к содержанию своего высказывания; такие контексты, как отмечалось ранее, относят к метаязыковым суждениям. В рассмотренных высказываниях информантов-диалектоносителей такие конструкции появляются в следующих коммуникативных условиях:

1) Когда диалектоноситель оказывается в речевой ситуации, когда он должен, используя средства разных речевых сфер, раскрыть содержание слова для носителя литературного языка. В этом случае он прибегает к тактике объяснения, акцентируя мотивирующий компонент значения диалектного слова: **Овсяники** – это пироги таки носатеньки, с **овсяной** муки таки пироги. **Тропанцы**, гороховая мука **тропаются** в холодной воды, получится тесто, пекут **тропанцы**, вроде гороховых оладьев. Раскатаю лепешку, из **тыквы** мездру выну, ... **тыкву** очистим да перерубим да кладем в пирог, **это тыквенник**.

В роли комментирующего объяснения может использоваться рецепт, т. е. полное описание приготовления выпечки, которое завершается своего рода формулой отнесенности к собеседнику: *Делали пресное тесто, пекли лепешки, потом за вертывали в горячие лепешки творог или картошку и. допекали на сковороде перед пылом, **вот и сканцы**. Кокорку со ржаного тесто расколотят на столе, скалом рассучат и на сковороду и на пылу в печку, испечется, наладут творогу, потом сожмут и еще попекут, **вот те и сканец**. Сегодня бабахи пекли, из оржаного пекли, отбавишь от теста из квашни на хлебы, потом, пожиже разведешь, ложкой кладут на сковороду и пекут, **вот и бабахи**.*

2) Излагая рецепт приготовления выпечного изделия, информант прибегает к локализованности его названия, очерчивая сферы употребления «у нас» – «у них» при помощи метаоператоров *называют, зовут*: *Тесто пресное и кислое, белое и оржаное, пекут на сковороды **покашники**, не толстые, потом творог, наверху лежит. **Сочни** – одно и то же, **кто покашники, а кто сочни зовут. Эвакуированы были из Руссы, калиткам звали, а у нас, покашники. Покашник** — испеченная ватрушка в русской печке на пылу. Сначала пекут лепешку, колобушку-то, а затем намазывают творогом или картофелем. **Иначе называют сканец**. В Вербно воскресенье печешь **каравашку**, всей скотине дашь. **Кто мякушка, кто каравашка, мякушкам-то раньше все звали**.*

3) Субъектность повествования воспоминания проявляется в живой выразительности высказываний информантов, в речи которых представлены все признаки разговорности: непринужденность коммуникации, нарушения в передаче

последовательности описываемых действий, разного рода повторы. Это не просто информация для слушателя-собираателя, но и изображение [Гольдин, 2009] того события, участницей которого представляет себя рассказчица, повествование о себе и от себя: *Тыквенники ячком и маслицем польешь, с молоком и едим. Ох, вкусно, всю ночь бы прохлебал. Зашли мы с Егором к кумы в гости-то, а она положила нам сабинник-то во весь стол. Уж мы с им ели-ели, и еще больше половины осталось.*

Таким образом, диалектные контексты, иллюстрирующие употребление лексики, образующей тематическое поле *Печево*, можно рассматривать как коллективный диалектный дискурс, обладающий следующими показателями: целостностью (однотемностью), событийностью, субъектностью, которая формируется не только личными формами глагола, но, как показал анализ материалов НОС, и метаязыковыми показателями разного типа, а также выраженной или скрытой диалогичностью. Все это подтверждает мнение исследователей о том, что диалектный дискурс принципиально антропоцентричен, в центре излагаемых событий всегда находятся люди.

Выводы. Диалектный словарь оказывается не только систематизированным описанием лексической системы диалекта, но и лексикографическим произведением, в иллюстративной зоне которого отражается многоголосие диалектной речи, записанной от разных информантов, живописующих повседневное бытие сельского человека [Борисова, 2015а, с. 202]. Как представляется, изучение иллюстрирующих контекстов диалектных слов, объединенных по тематическому (идеографическому) принципу, позволит выявить типы диалектных дискурсов в зависимости от предмета речи, цели и условий общения, языковые средства выражения дискурсивности, описать возможные типы субъектов речи.

Исследование, результаты которого, не претендующие на полноту и завершенность, представлены в настоящей статье, – это только один из возможных путей изучения диалектного дискурса в лексикографической форме его существования. Новгородский областной словарь, а главное его картотека, созданные под руководством Веры Павловны Строговой, содержат необыкновенно интересный и обширный объем сведений о новгородском диалекте и его носителях, которые могут и должны стать основой уточнения как практических задач описания диалектного дискурса, так и связанных с этим теоретических вопросов, в частности, о методах и приемах дискурсивного анализа.

Литература

Арутюнова, Н. Д. (1990). Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 136–137). Москва: Советская энциклопедия.

Батулина, А. В. (2016). Метаязыковая рефлексия в иллюстративной зоне Новгородского областного словаря. *Диалектное и литературное слово. История и современность: сборник статей в честь 85-летия со дня рождения Антонины Васильевны Клевцовой* (с. 8–14). Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Большакова, Н. В. (2009) Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте. *Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Филология*, 54, 7–10.

Борисова, О. Г. (2015а). Иллюстративная зона регионального словаря как лексикографическое произведение. *Вестник Омского университета*, 1, 199–202.

Борисова, О. Г. (2015б). Лексорассказ как форма подачи иллюстративного материала в диалектном словаре. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 15(3), 42–46.

Брыкина, Е. В. (2018). Этнокультурный потенциал диалектного словаря. *Вестник Кубанского государственного университета*, 3, 164–167.

Герд, А. С. (2005). *Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Гольдин, В. Е. (2009). Повествование в диалектном дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 9(1), 3–7. <https://doi.org/18500/1817-7115-2009-9-1-3-7>

Грицкевич, Ю. Н. (2017). Диалектный дискурс как способ репрезентации реальности. *Псковские говоры и их исследователи: материалы конференции: в 2 ч. Ч. 1* (с. 98–106). Псков: Логос.

Демешкина, Т. А. (2017). Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста. *Язык и метод: русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва: в 3 т. Т. 2* (с. 137–146). Краков: Издательство Ягеллонского Университета.

Ильенко, С. Г. (2003). О контекстуальном компоненте толкового словаря: (на материале «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова). *Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды* (с. 614–619). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена.

Козырев, В. А., & Черняк, В. Д. (2016). Диалектный словарь в социокультурном контексте. *Слово. Словарь. Словесность: динамические процессы в языке, речи и словаре: материалы Всероссийской научной конференции* (с. 20–24). Санкт-Петербург: САГА.

Кривошлыкова, Л. В. (2010). К определению понятия «дискурс». *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 3, 42–47.

НОС (2010). *Новгородский областной словарь* Санкт-Петербург: Наука.

References

Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (pp. 136–137). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russian).

Batulina, A. V. (2016). Metalinguistic reflection in the illustrative zone of the Novgorod Regional Dictionary. *Dialectal and Literary Word. History and Modernity: a collection of articles in honor of the 85th anniversary of Antonina Vasilyevna Klevtsova* (pp. 8–14). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

Bolshakova, N. V. (2009). Interaction of discourses in a dialect text. *Vestnik NovSU: Philology*, 54, 7–10. (In Russian).

Borisova, O. G. (2015a). The Illustrative area of regional dictionary as a lexicographical creation. *Herald of Omsk University*, 1, 199–202. (In Russian).

Borisova, O. G. (2015b). Lexostory as a form of providing illustrative material in a dialect dictionary. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 15(3), 42–46. (In Russian).

Brykina, E. V. (2018). Ethnocultural potential of the dialect dictionary. *Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 164–167. (In Russian).

Demeshkina, T. A. (2017). Cognitive-discursive analysis of dialect text. *Language and Method: Russian in 21st-century Linguistic Research. Linguistic Analysis on the Verge of a Methodological Failure: in 3 vols. Vol. 2.* (pp. 137–146). Krakow: Jagiellonian University Press. (In Russian).

Gerd, A. S. (2005). *Introduction to ethnoлингвистics: lecture course and reader*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. (In Russian).

Goldin, V. E. (2009). Narrative in dialect discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 9(1), 3–7. <https://doi.org/18500/1817-7115-2009-9-1-3-7> (In Russian).

Gritskevich, Yu. N. (2017). Dialectal discourse as a way of representing reality. *Pskov Dialects and Their Researchers: Conference Proceedings: in 2 parts. Part 1* (pp. 98–106). Pskov: Logos Publ. (In Russian).

Ilyenko, S. G. (2003). On the contextual component of an explanatory dictionary: Based on the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. *Ilyenko S. G. Russian Studies: Selected Works* (pp. 614–619). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ. (In Russian).

Kozyrev, V. A., & Chernyak, V. D. (2016). Dialect dictionary in the sociocultural context. *Word. Dictionary. Literature: Dynamic Processes in Language, Speech, and Dictionary: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 20–24). St. Petersburg: SAGA Publ. (In Russian).

Krivoshlykova, L. V. (2010). To the definition of «discours». *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 42–47. (In Russian).

Novgorod Regional Dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Prokhorov, Yu. E. (2006). *Reality. Text. Discourse*. Moscow: Flinta, Nauka Publ. (In Russian).

Прохоров, Ю. Е. (2006). *Действительность. Текст. Дискурс*. Москва: Флинта, Наука.

Скляревская, Г. Н. (2015). К вопросу о новых идеях и новых жанрах в отечественной лексикографии: «Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь». *Слова и словари: сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк* (с. 173–180). Санкт-Петербург: Свое издательство.

Строгова, В. П. (1991). *Как говорят в Новгородском крае*. Новгород.

Sklyarevskaya, G. N. (2015). On new ideas and new genres in Russian lexicography: “Vocabulary of contemporary Russian Orthodoxy. Explanatory and encyclopedic dictionary”. *Words and Dictionaries: A Collection of Research Articles Dedicated to Professor Valentina Danilovna Chernyak* (pp. 173–180). St. Petersburg: Svoe izdatelstvo Publ. (In Russian).

Strogova, V. P. (1991). *As they say in the Novgorod region*. Novgorod. (In Russian).

Для цитирования:

Дидковская, В. Г. (2025). Диалектный словарь как источник лингвистической информации. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 8–19. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-8-19](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-8-19)

For citation:

Didkovskaya, V. G. (2025). Dialect dictionary as source of linguistic information. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 8–19. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-8-19](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-8-19) (In Russian).

Новый источник «Псковского областного словаря»: мифологическая проза

Н. В. Большакова

New source of Pskov Regional Dictionary: mythological prose

N. V. Bolshakova

Большакова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, зав. научно-образовательной лабораторией «Социогуманитарная региони́ка», Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: bolshakova55@yandex.ru

Статья поступила: 10.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

Статья посвящена комплексной характеристике нового издания – «Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья», вышедшего в 3-х томах (Псков, 2021–2023). Отмечены такие его черты, как отнесенность к уникальной этноконтактной зоне – южной Псковщине, значительный объем впервые публикуемого материала (более 1200 текстов), широкий тематический охват сюжетов и мотивов мифологической прозы, аутентичный принцип расшифровки экспедиционного материала, наличие аудиоприложений к каждому тому. В работе подчеркнуто, что новое издание отражает в диалектном мифологическом дискурсе разнообразные фрагменты картины мира местных жителей псковско-белорусского пограничья, носителей традиционной народной культуры. Все эти отличительные особенности издания, особенно диалектная направленность, позволяют рассматривать его как ценный источник «Псковского областного словаря» (ПОС). Особое внимание в статье обращено на лексико-семантический состав опубликованных текстов. Показано, как функционируют диалектные слова, характерные для псковско-белорусской этноконтактной зоны, в мифологическом контексте. Обращается особое внимание на территориальные различия в использовании наименований этнографических реалий. Таким индикатором, например, является система названий ткацкого станка: если в псковских говорах территории исторического ядра распространено наименование *став*, в севернопсковских говорах регулярно используется слово *стативо/статива*, то за южнопсковской историко-культурной зоной закреплено слово *кросна/кросны*. Составленные автором справочные словари диалектных и устаревших слов в издании мифологических текстов позволяют провести сравнительный анализ этих данных с материалами опубликованных выпусков ПОС и его картотеки. Сопоставление показало, что на фоне единичных случаев отсутствия слова в ПОС в словаре могут быть лакуны, связанные с отдельными сторонами обрядовой жизни и народной магии. В связи с этим новый источник позволит расширить содержательные границы текста словаря и поддержать тенденции, наметившиеся в самой псковской лексикографии:

Natalia V. Bolshakova – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Head of the laboratory “Socio-humanitarian regionics”, Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2038-9565

Received: 10.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

The article is devoted to a comprehensive description of the new publication, “Mythological Stories of Pskov-Belarusian Borderland”, published in three volumes (Pskov, 2021–2023). Its distinctive features include its location in a unique ethnocontact zone – the southern Pskov region – the significant volume of material published for the first time (over 1,200 texts), the broad thematic coverage of mythological prose plots and motifs, the authentic transcription of expedition material, and the inclusion of audio appendices for each volume. The paper emphasizes that the new edition reflects, within dialectal mythological discourse, diverse fragments of the worldview of local inhabitants of the Pskov-Belarusian borderland, bearers of traditional folk culture. All these distinctive features of the publication, especially the dialect orientation, allow us to consider it as a valuable source for the Pskov Regional Dictionary (PRD). The article pays special attention to the lexical and semantic composition of the published texts. It demonstrates how dialect words characteristic of the Pskov-Belarusian ethnocontact zone function in a mythological context. Particular attention is paid to territorial differences in the use of ethnographic names. One such indicator, for example, is the system of naming a loom: while the Pskov dialects of the historical core area commonly use the term *stav*, the northern Pskov dialects regularly use the word *stativo/stativa*, whereas the southern Pskov historical and cultural zone is assigned the word *krosna/krosny*. The reference dictionaries of dialect and obsolete words compiled by the author in the publication of mythological texts allow for a comparative analysis of these data with materials from published editions of the PRD and its file. The comparison revealed that, despite isolated instances of word absence from the PRD, there may be gaps related to specific aspects of ritual life and folk magic. Therefore, this new source will expand the dictionary's substantive scope and support emerging trends in Pskov lexicography itself: greater attention to the processing of ethnographically significant material.

большее внимание к проработке этнографически значимого материала.

Ключевые слова: мифологические рассказы, псковско-белорусское пограничье, Псковский областной словарь

Keywords: mythological stories, Pskov-Belarusian borderland, Pskov Regional Dictionary

УДК 82`374:7.046.1(470.25+476)

OECD: 6.02OY+6.02JW

V

Постановка проблемы. Состав источников «Псковского областного словаря с историческими данными», помимо ежегодно пополняющейся в экспедициях картотеки, расширяется за счет публикации экспедиционных текстов, хранящихся в фольклорно-этнографическом архиве Псковского государственного университета.

Авторским коллективом словаря уже расписаны и введены в разработку словарных статей тексты изданных псковских сказок [Площук, 2004]. В соответствии с инструкцией словаря, новые опубликованные материалы могут быть включены в состав источников в случае признания их лингвистической значимости.

История вопроса. В 2023 году завершен проект по изданию «Мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья»: вышла третья, заключительная, книга одноименной серии [Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья, 2021–2023]. В подготовке коллективного труда принимали участие сотрудники научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная региони́ка» ПсковГУ: Н. В. Большакова (подготовка текстов, толкование диалектных слов, аудиоприложение, техническое и научное редактирование), Г. И. Площук (атрибуция текстов, подготовка научного аппарата, комментарии и исследования), Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко (подготовка текстов), М. И. Муратова (подготовка текстов, аудиоприложение, список информантов, список обследованных населенных пунктов, техническое редактирование).

В рамках III Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой 2024 г. на секции «Русская диалектология» автором статьи было представлено новое трехтомное издание как ценный источник лексики и фразеологии особого в культурно-историческом отношении языкового идиома, территориально относящегося к Псковщине¹.

Главная особенность трехтомника состоит в том, что он стал первой публикацией несказочной мифологической прозы, записанной в южнопсковской историко-культурной зоне, которая представляет собой уникальную территорию длительного культурного и языкового контактирования русского и белорусского народов. Основу всех книг (помимо исследовательских комментариев, справочного аппарата) составляют тексты из фольклорно-этнографического архива ПсковГУ – в общей сложности более 1200 единиц.

Известно, что административное районирование современной Псковской области не совпадает с культурным и языковым ее членением. Южная Псковщина, выделяемая на основе историко-культурного подхода, объединяет 7 районов (Великолукский, Куньинский, Невельский, Новосокольнический, Пустошкинский, Себежский, Усвятский), составляет территорию смешанных (или переходных) русско-белорусских говоров.

¹ URL: <https://conference-spbu.ru/conference/53>

Экспедиционные записи выполнены псковскими фольклористами в период с 1976 г. по настоящее время в 126 населенных пунктах этой территории.

Экспедиционный материал записан по специально разработанной программе от более чем ста местных жителей преимущественно пожилого возраста (год рождения старшего из информантов – 1888 г.).

Опубликованное собрание мифологических повествований по своим сюжетно-мотивным характеристикам в целом соответствует восточнославянской и, прежде всего, русской традиции [Виноградова, Левкиевская, 2010–2020; Зиновьев, 1987; Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья, 2007; Черепанова, 1996]. Вместе с тем, в силу территориальной специфики, в них обнаруживаются особенности, характерные для белорусской традиции. По своей тематике нарративы отражают весь спектр народной мифологической прозы, известной по другим территориям. Псковские тексты включают рассказы о духах природы, дома; о людях, наделенных сверхъестественной силой, о змеях, птицах, животных, деревьях, кладах, цветке папоротника, персонифицированных мифологических персонажах: болезни, смерти, праздниках, а также большой корпус повествований о гаданиях.

Таким образом, новое издание отражает разнообразные фрагменты картины мира местных жителей южной Псковщины – носителей традиционной народной культуры. Опубликованные тексты по своей направленности дополняют, а нередко и восполняют этнокультурную информацию, позволяя объемнее представить различные стороны повседневности, ритуализированные формы праздничной культуры и их социальную трансформацию.

Опубликованные книги выпущены как научное издание, в своей основе следующее традиции аналогичных публикаций. Вместе с тем издание адресовано не только специалистам, но, благодаря региональной направленности и социокультурной значимости, имеет более широкую адресацию, о чем свидетельствует Диплом победителя XXVIII областного конкурса на лучшую издательскую продукцию «Псковская книга – 2023» в специальной номинации «За сохранение памятников нематериальной культуры» в рамках Межрегионального книжного форума «Русский Запад».

Методология и методика анализа. Методологическую основу исследования составляют концепции Ларинской лексикографической школы. Раскрывая идеи данной научной школы, воплощенные в подготовке и издании «Псковского областного словаря с историческими данными», А. С. Герд особенно подчеркивает: «Описываемая речь псковских крестьян отражает быт, культуру, мировоззрение русского населения, сложившиеся связи с соседними народами» [Герд, 2008, с. 8]. Таким образом, по своим характеристикам материал нового издания полностью соответствует принципу лексикографизма Ларинской научной школы и основополагающим требованиям, предъявляемым к источникам «Псковского областного словаря».

В издании текстов мифологических рассказов воплощены принципы эдиционной текстологии [Лиморенко, 2021], основанные на постулатах, изложенных В. В. Проппом, главный из которых отвечает аутентичности записи: «это запись, сохраняющая по возможности все особенности языка и произношения исполнителя» [Пропп, 1956, с. 196]. Современные научные направления в изучении устной коммуникации, рассматривающие спонтанную речь во всей совокупности присущих ей имманентных

черт [Бубнова, 1999], стали также ориентиром в подготовке к публикации псковских мифологических рассказов как реализации устного диалектного дискурса, тем более что книги текстов сопровождаются аудиоприложением.

Анализ материала. Подготовительный период эдической работы с текстами, ориентированный на аутентичность, потребовал более полного отражения характерных диалектных черт речи информантов, а также сохранения коммуникативных особенностей устного диалектного дискурса, к числу которых относятся автокомментарии рассказчиков, повторы, самоперебивы, дискурсивные слова, хезитации, другие невербальные средства (чаще всего смех, иногда описание жестов). Например: *Воздвижение отмеча... никогда оно не отмечается там [смеется], уадюк по́лно. Оны збираются все на зямлю́, они собираются все в одну кучу. Всякую кучам, кучам, кучам на сопках*. Я сама была, улезла в такую кучу. Была в урибах и как раз выходила. Целую корзину большую урибов насобирала. И я, уде ни шауану, все на уадюку, где ни шауану, все уадюки! Таких штук по пять, по шесть, а то и больше у лёсе. И все рядом, рядом, рядом, рядом! Я еле убеула. Но они все как сонные были, они не шевялилися, ничаво, тока лежали* [Мифологические рассказы, 2023, с. 12].

При публикации текстов составители не стремились к точной передаче фонетических черт речи, так как имеющееся аудиоприложение позволяет получить полное представление о языковых особенностях южнопсковских говоров, их звуковой и просодической системе.

Для облегчения понимания текстов в них имеются словари диалектных и устаревших слов (в самих текстах такие слова отмечены знаком звездочки). Приведем пример фрагмента текста с диалектизмами, потребовавшими пояснений:

*Вот в бане **полохали***: не ходи в баню поздно! <...> А уже поздно все же, но кто-то кругом бани ходит... Слышу: ходит кто-то в бане. Послушаю, послушаю – ходит! Ходит в бане, и как и поскробоцит в дверь... Заробела баба: хоть голая бяжи по саду! Да, заробела баба: а что ж такое? Я тогда встала, я говорю, – мах так дверь в коридоре! Я говорю: «Ничаво не боюсь, **не полохай***!» Как будто это и на черта говорю: «**Не полохай***, все равно не боюсь!» <...> Ну, нет, потом слышу опять: шарк-шарк! – вот совсем как от... потом как вот... а это мой Тузик! [Смеется] Ен, значит, пришел, я в баню – и ен за мной. Большой был, рябый пес такой, вот как у цыганях, пятнастый, вот как у Тарасовны, пятнастый, только мой большой такой, и шерсть такая толстая была, не то что **шоклатый***, но и не гладкий, все равно **шоклатый***, огромный. Ну вот. Я говорю: «Паразит ты проклятый! Ну, ты ж бы сказал: открой мне дверь, мне тут холодно, я в коридор хочу!»* [Мифологические рассказы, 2022, с. 7]. Глагол *полóхать* (1) 'внушать страх, боязнь (обычно намеренно), пугать' хорошо известен псковским и другим русским говорам [СРНГ, 1995, с. 129]²; в «Псковском областном словаре» посвященная этой лексеме словарная статья занимает целых три столбца [ПОС, 2024, т. 29, с. 330–332]. Лексема *шокла́тый* (еще не разработанная в ПОС) в текстах мифологических рассказов используется в нескольких значениях: 'лохматый, косматый (о собаке)'; 'с распущенными, растрепанными волосами (о колдунье)' (*бе́уает <...> шокла́тая*). В картотеке ПОС

² При ссылках на многотомные словари после общепринятого сокращенного названия (аббревиатуры) приводится номер тома (выпуска) и страница.

характеристика *шоклатый* ‘пушистый’ с положительной коннотацией относится к котенку (*Как я и хатэла, каток шаклатый*), причем показательно, что материал записан также в одном из южнопсковских районов: д. Брюхново Великолукского района.

Знаковое³ в историко-географическом отношении для Псковщины слово *сопка*, также еще не разработанное в ПОС, в мифологических текстах используется в ландшафтном значении ‘возвышенность, небольшой холм’: *Оны [змеи] збираются все на зямлю, они собираются все в одну кучу. Всякую кучам, кучам, кучам на сопках**. В других текстах, о гадании, словообразовательные параллели *сопка / сопочка* обозначают место погребения, могилу: *Со вторым вышла просто могила, сопка. И мои братья оба погибли во время Великой Отечественной войны; А одна девка на будущее загадала, так ей только сопочка вышла. И правда, померла через год* [Мифологические рассказы, 2023, ч. 3, с. 218, 215]. Материалы картотеки ПОС отражают значения, преимущественно связанные с рельефом местности и не ограниченные территориально: *сопка* – ‘возвышенность, небольшой холм’ (Локнянский, Новоржевский, Островский, Порховский, Псковский, Пушкиногорский, Струго-Красненский), а также семантически выводимые из первого – ‘небольшой лес на высоком месте’ (*Ох, многа казьякоф расте ф той сопки*. Опочецкий), ‘кочка на болотистой местности’ (*Там сопки, аж ни прайтй*. Куньинский). Вместе с тем старая запись 1958 г. (это был год начала регулярного сбора данных для «Псковского областного словаря») передает значение, соотносимое с данными мифологических рассказов: *Кладбища называли сопки. На Глазафских сопках чудйца, пайдеш, и завезут*. Сланцевский). Возможно, имеется в виду деревня Глазова Гора в Вискатском сельском поселении Сланцевского района Ленинградской области либо кладбище, т. к. *сопками/сопочками* в диалектной речи, как уже было отмечено, именуются и природные возвышенности, и места захоронения на таких возвышенностях (ср.: *Дет на сопачки на гóрачки лежйт*. Плюсский). Как представляется, сделанные наблюдения, безусловно, будут полезны в дальнейшей лексикографической работе над словарем.

С другой стороны, между уже вышедшими выпусками «Псковского областного словаря» и рассматриваемыми текстами обнаруживаются многочисленные реляционные связи. Например, сочетание *кросны ткать* ‘изготавливать льняное полотно на ткацком станке – кроснах’ (*Кросны* ткать. Раньше пряли лен, потом ткали, самотканое носили – и одежду, и полотенцы. У меня вот где-то еще сейчас самотканое полотенце* [Мифологические рассказы, 2023, с. 94].) находит отражение в разработке слова *крóсна*, *крóсны* в разных значениях, в том числе и в производном значении ‘все тканое в домашних условиях: холст, полотенца, половики и т. п.’, причем зафиксировано преимущественно в южнопсковских районах:

³ Имеется в виду культура северо-западных, в том числе псковских, длинных курганов. Этой продолжающей оставаться актуальной проблеме посвящена обширная археологическая литература, см. одну из обобщающих работ с библиографией [Михайлова, 2000]. Для наименования как природных возвышенностей, так и могильников в говорах используются слова *курган* и *сопка*: *Курга́н* – *насыпаная земля, ф по́ли находят, ни па́шут* [ПОС 16, с. 383]; в картотеке ПОС: *Ты на мызы-та был, там со́пка е* (пояснение – ‘курган’); ср. также в новгородских говорах: *Курган* – *это сопка промеж болота, на нем лес. Я на всех трех была, на курганах брусница растет; Сопка* – *высокое гористое место; Сопка* – *возвышенное место, пригор, курган* [НОС, 2010, с. 483, 1120].

Крósны, холст на рубáшку такой ткецца; Пря́ли, патóм крósны ткáли, а вот палавикú, адия́ла ткáли [ПОС, 2004, т. 16, с. 197]. Территориальная дифференциация псковских говоров ярко проявляется в наименованиях данного этнографизма. В псковских говорах территории исторического ядра для наименования ткацкого станка распространено наименование *став*: *Стаф – эта ткацкий станок; Ставы ни насили на пасиделки – бальшы́е; Нарязать став нада, бывала скажут; Ф ставу есть затыкальник, уснова, поножы*. Для севернопсковских говоров (Гдовский, Плюсский, Струго-Красненский) характерно название *стативо/статива*: *Ткали мы на стативах; Вясли в избу стативу, стала тесна; Ткали на стативи, ноньчы ткала, шесть сътен палави́коф выткала; Тяперь ня тку на стативи, ня та таперь; В нас так и называли статива, на ней и ткали, да в миня немец фсе сожок*. Большой корпус примеров см.: [Большакова, 2012, с. 139, 140].

Результаты исследования. Материалы трехтомника мифологических рассказов в настоящее время находятся в состоянии расписывания для «Псковского областного словаря», поэтому пока невозможно точно сказать, какие конкретно лексемы дополнят его картотеку. Но уже сейчас очевидно, что содержательное пространство текста словаря обогатится за счет тематического диапазона мифологических нарративов.

Результаты исследования продемонстрируем сопоставительным анализом, где параллельно приведены фрагменты составленного автором словаря к третьему тому [Мифологические рассказы, 2023, ч. 3, с. 223–229] в сопоставлении с материалами «Псковского областного словаря» (ПОС), чтобы показать степень разработанности мифологической семантики в словаре.

1) **Бульбовый:** *бульбовая дама (что за черт: в сенях бульбовая дама лежит; чтой-то лежит бульбовая дама)* – о карте дамы бубновой масти.

В ПОС отсутствует слово и выражение.

2) **Вестить** (*вястить птица, если вястить, то это точно: что-то она вястить – к плохому; хорошие вéсти вястí)* – предвещать, пророчить.

ВЕСТИ́ТЬ. Давать знать, сообщать. *Яны́ уш, кагда́ э́дут, анна́ анно́й весья́т* [ПОС, 1976, т. 3, с. 119].

3) **Головешка:** *головешку принести (нельзя разорять гнезда аиста, может головешку принести)* – устроить пожар, поджечь.

В ПОС отсутствует выражение.

4) **Голый:** *на голый лес (кукушка прилетела на голый лес)* – лишенный листьев.

В ПОС отсутствует выражение. Одна из цитат содержит соответствующую лексику, но отражает, видимо, другой мифологический образ: *Жы́та вымята́лася, кукúшка пяреста́не кукава́ть, над го́лай бярезай кукúя* [ПОС, 1986, т. 7, с. 72].

5) **Кусаник** (*Вы сели, поели и кусáнный украдьте, своруйте хлеба кусок)* – недоеденный, надкусанный кусок хлеба.

КУСА́НИК. Недоеденный кусок чего-н. (обычно хлеба); огрызок. *Какúя кусáники, агло́тки астаю́цць! Вон ни выки́дываю. // ⁴ Не имей привы́чке аставля́ть кусáники. Кто их дыяда́ть бу́дя? // Куса́ник – э́сли аста́влен ужэ кусо́к несй́здены́. // Твой кусáник там брóшана у сундуке́* [ПОС, 2004, т. 16, с. 412].

⁴ При цитировании «Псковского областного словаря» приводятся только формулировки значений и цитаты, которые отделяются друг от друга знаком (//).

6) **Молоть: *молоть жернова / иглу*** (*Пошли молоть, вбросили иглу в жернова; жернова мололи; эту иглу швейную мололи*) – устойчивое выражение, называющее вид гадания на жерновах, при котором в жернов бросали иголку.

В ПОС не выделено как устойчивое сочетание.

МОЛОТЬ. 1. *Размельчая зерна, превращать их в муку или порошок. Гадáли, иглú малóли, такúе жóрны бýли* [Иголка пищит – имя называет] [ПОС, 2006, т. 18, с. 339].

7) **Навродовать** (*мальцы ж увидят, они ж узнают, они ж навродуют; бывало, навродуют*) – шутя, вмешаться в обряд девичьего гадания, не позволив довести его до конца.

НАВРОДАТЬ. То же, что навредить 1. *Плóха здéлаеш – «Ну што ты там наврóдал?» – бáтька скáжэт. Здéлать нехарашó. // Чавó я набездéльничала, наврóдала, сдéлала нехарашó.*

НАВРОДОВАТЬ. То же, что навредить 1. *Бальнýи тóлька паврóдавать наравя́. // Вазьмúт ды наврóдыут* [ПОС, 2008, т. 19, с. 293–294].

8) **Обнимать: *обнимать/обнять забор*** (*Забор побегим обнимаем; ти в пару обняли*) – устойчивое выражение, называющее обряд гадания с обхватыванием кольев забора.

ОБНИМАТЬ. 2. Брать что-н., обхватывая руками. > *Тын (забор, дрова, згороду) обнимать*. Вид святочного гадания: обхватывают забор или часть поленницы и считают количество захваченных кольев, бревен. *Хадúли тын абнимáть, пáрам аннимú, то с пáрнем бúду гулять. // А што, бывáла тын абнимáш, ёсли па пáрам захвáтиш, тадá вýдеш зáмуш. // А вот гадáли, забóр и драва́ абнимáли. // Гадáли, и дрóвы варавáли, забóр абнимáли. // Згарóду абнимáли.* [ПОС, 2011, т. 22, с. 257].

9) **Полоть: *снег полоть*** (*А ходим, бывало, снег пóлем*) – устойчивое выражение, называющее обряд гадания, при котором девушка набирает снег в фартук (как при провеивании зерна), затем неоднократно встряхивает его и слушает, в какой стороне лает собака.

ПОЛОТЬ. Очищать (зерно, семена) от мусора, перетряхивая в специальной посуде, провеивать. > *Полоть снег (снежок)*. Вид святочного гадания: перетряхивать снег в чем-н. (ночевке, подоле и т. п.) до тех пор, пока не залает где-н. собака (или зазвенит колокол, бубенцы или послышится другой звук), чтобы определить, в какую сторону идти замуж. *Снег палóли: вýйдим нá паля, в ничефку снег палóжым и палóли, где сабáки залáют – тудá и зáмуш вýйдиш, таг гадáли.* // (далее следует более 10 цитат) [ПОС, 2024, т. 29, с. 325–326].

Итак, несмотря на то, что сопоставительный материал ограничен только темой гаданий, основные тенденции возможно выявить. Во-первых, наблюдаются единичные случаи абсолютного отсутствия слова в ПОС (пример 1). Во-вторых, в материалах ПОС могут быть лакуны, связанные с отдельными сторонами обрядовой жизни (примеры 2, 3, 4, 7). В-третьих, в более ранних выпусках материал, связанный с народной магией, мог не получить специальной разработки (пример 6). И, наконец, последнее и очень существенное наблюдение: в последних выпусках ПОС все большее внимание отводится проработке этнографически значимого материала. Примеры 8 и особенно 9 демонстрируют не только более развернутые дефиниции,

но и, что особенно важно, богатый иллюстративный материал, позволяющий в лексикографической форме воплотить текстовую информативность.

Выводы. Подводя итоги аналитического обзора трехтомной публикации мифологических рассказов, подчеркнем, что издание, следующее в своей структуре за известными на настоящее время прецедентами в фольклористике, в своей эдиционной практике воплотило ряд характерных именно для этого издания качественных признаков: наряду с значительным объемом впервые опубликованного материала широкий тематический охват сюжетов и мотивов мифологической прозы, аутентичный принцип расшифровки экспедиционного материала, наличие аудиоприложений к каждому тому, большой справочный аппарат. В определенном смысле издание стало экспериментальным, сохранив стилистический и эмоциональный колорит, свойственный мифологическому нарративу.

В заключение существенно отметить знаменательный факт одновременного с псковским трехтомником выхода из печати основательной книги, которая уже своим названием соотносима с нашим – «“Петух на три области поет...” Фольклорная традиция русско-белорусского пограничья» [Мороз, 2022]. Не ставя перед собой задачи какого-либо сравнения, лишь подчеркнем, что книга известных московских специалистов, построенная на отличных от нашего издания основаниях, содержит тексты мифологического содержания, записанные в том числе и на территории южной Псковщины (в Себежском районе). Считаем полезным в дальнейшем соотнести диалектные данные, в первую очередь диалектную лексику, текстов сходного содержания, записанных на одной территории.

Литература

Большакова, Н. В. (ред.). (2012). Традиционный быт псковских крестьян: опыт регионального этнолингвистического словаря. Псков: ЛОГОС Плюс.

Бубнова, Г. И. (1999). Устнопорождаемая речь как объект лингвистического исследования. *Вопросы филологии*, 1, 16–19.

Виноградова, Л. Н., & Левкиевская, Е. Е. (сост.). (2010–2019). Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века: в 4 т. Москва: Языки славянских культур.

Герд, А. С. (2008). Ларинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) университета. *Русская историческая лексикология и лексикография: межвузовский сборник. Вып. 7* (с. 3–23). Санкт-Петербург: СПбГУ.

Зиновьев, В. П. (сост.). (1987). *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири*. Новосибирск: Наука.

Лиморенко, Ю. В. (2021). Эдиционная текстология фольклора и практика фольклористического перевода. *Сибирский филологический журнал*, 2, 9–17. <https://doi.org/10.17223/18137083/75/1>

Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья (2007). Санкт-Петербург: Тропа Троянова.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья (2021–2023): в 3 ч. Псков: Логос.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья (2022): в 3 ч. Ч. 2: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение. Псков: Конкорд.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья (2023): в 3 ч. Ч. 3: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение. Псков: Логос.

Михайлова, Е. Р. (2000). История изучения псковско-новгородских длинных курганов. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*, 5, 32–49.

Мороз, А. Б. (ред.) (2022). «Петух на три области поет...»: фольклорная традиция русско-белорусского пограничья. Москва: Неолит.

НОС (2010). *Новгородский областной словарь*. Санкт-Петербург: Наука.

Площук, Г. И. (ред.). (2004). *Сказки Псковской области*. Псков: Псковский государственный педагогический институт имени С. М. Кирова.

ПОС (1976). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 3: В – Взяться. Ленинград: ЛГУ.

ПОС (1986). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 7: Глушить – грандина. Ленинград: ЛГУ.

ПОС (2004). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 16: Косулька – лерка. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ПОС (2006). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 18: Мамыкаться – Мохристый. Санкт-Петербург: СПбГУ.

References

Bolshakova, N. V. (Ed.). (2012). *The traditional way of life of Pskov peasants: experience of the regional ethnolinguistic dictionary*. Pskov: LOGOS Plus Publ. (In Russian).

Bubnova, G. I. (1999). Oral speech as an object of linguistic research. *Questions of philology*, 1, 16–19. (In Russian).

Cherepanova, O. A. (Comp.). (1996). *Mythological tales and legends of the Russian North*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 29 (1995). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Gerd, A. S. (2008). Larinskaya lexicographical school of St. Petersburg (Leningrad) University. *Russian historical lexicology and lexicography. Is. 7* (pp. 3–23). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Limorenko, Yu. V. (2021). Editorial textual studies of folklore and practice of folkloristic translation. *Siberian Journal of Philology*, 2, 9–17. <https://doi.org/10.17223/18137083/75/1> (In Russian).

Mikhailova, E. R. (2000). Study of Pskov-Novgorod long barrows: history. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 5, 32–49. (In Russian).

Moroz, A. B. (Ed.). (2022). “The cock sings in three regions...”. *Folklore tradition of the Russian-Belarusian borderland*. Moscow: Neolit Publ. (In Russian).

Mythological stories and beliefs of the Nizhny Novgorod Volga Region (2007). St. Petersburg: Tropa Troyanova Publ. (In Russian).

Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland: in 3 parts (2021–2023). Pskov: Logos Publ. (In Russian).

Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland (2022): in 3 parts. Part 2: Texts. Commentary. Research. Audio Supplement. Pskov: Concord Publ. (In Russian).

Mythological stories of the Pskov-Belarusian borderland (2023): in 3 parts. Part 3: Texts. Commentary. Research. Audio Supplement. Pskov: Logos Publ. (In Russian).

Novgorod regional dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Ploshchuk, G. I. (Ed.). (2004). *Fairy tales of the Pskov region*. Pskov: Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov Publ. (In Russian).

Propp, V. Ya. (1956). Textual editing of folklore recordings. *Russian Folklore: Materials and Research. Vol. 1* (pp. 196–206). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 3 (1976). Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 7 (1986). Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 16 (2004). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

- ПОС (2008). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 19: Моча – Наквасье. Санкт-Петербург: СПбГУ. *Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 18* (2006). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).
- ПОС (2011). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 22: Ночушка – огошечек. Санкт-Петербург: СПбГУ. *Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 19* (2008). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).
- ПОС (2024). *Псковский областной словарь с историческими данными*: в 29 вып. Вып. 29: Пойти – Поляшить. Санкт-Петербург: СПбГУ. *Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 22* (2011). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).
- Пропп, В. Я. (1956). Текстологическое редактирование записей фольклора. *Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 1* (с. 196–206). Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР. *Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 29* (2024). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).
- СРНГ (1995). *Словарь русских народных говоров*: в 52 т. Т. 29: Покорочеть – Попритчиться. Москва, Санкт-Петербург: Наука. Vinogradova, L. N., & Levkieskaia, E. E. (Comp.). (2010–2020). *Folk demonology of Polesie: Publications of texts in records of the 80–90s of the XX century. Vol. 1–4*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ. (In Russian).
- Черепанова, О. А. (сост.). (1996). *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера*. Санкт-Петербург: СПбГУ. Zinoviev, V. P. (Comp.). (1987). *Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Большакова, Н. В. (2025). Новый источник «Псковского областного словаря»: мифологическая проза. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 20–29. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-20-29](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-20-29)

For citation:

Bolshakova, N. V. (2025). New source of Pskov Regional Dictionary: mythological prose. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 20–29. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-20-29](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-20-29) (In Russian).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА / REGIONAL ONOMASTICS

Гидронимия на *-иха* в исторических Новгородско-Псковских землях

В. Л. Васильев

Hydronymy in *-ikha* in Historical Novgorod-Pskov Lands

V. L. Vasiliev

Васильев Валерий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела этимологии и ономастики, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Москва, Российская Федерация

E-mail: vihnn@mail.ru

Статья поступила: 14.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

В статье всесторонне анализируются, прежде всего в аспектах деривации и этимологии, водные названия на *-иха*, локализуемые в центральных исторических землях средневековых Новгорода и Пскова. В этом регионе обнаружено около 70 таких названий (их список приложен к статье). Все они – сравнительно поздние дериваты, появившиеся не ранее XV в. на базе лексических мотиваторов различных категорий. Образования на базе личных наименований (*Назариха*, *Фомиха*, *Зуриха*, *Красиха* и др.) весьма многочисленны, их набирается около половины списка. По-видимому, не меньшее число гидронимов на *-иха* мотивируются русской (изредка – древнерусской) апеллятивной лексикой с неличным значением: *Кобылиха*, *Железиха*, *Пакостикха*, *Рудиха*, *Сдери́ха* и др. Иногда выявляются переносы имен селений на водные объекты (р. *Фалиха* < д. *Фалиха*). Отдельные гидронимы переоформились или дооформились из своих вариантов с иными формантами (*Дрозди́ха* < *Дроздя́нка*, *Комари́ха* < *Комар*), это в полной мере относится и к гидронимам с неславянскими субстратными основами (*Болдани́ха*, *Галмачи́ха*, *Пельчи́ха*, *Шельди́ха*). Статью завершают развернутые заключения о происхождении гидронимной модели *-иха*, обладающей чертами сходства и различия с топонимной моделью *-иха*. Источником рассматриваемой гидронимии стали средневековые названия новообразованных малых деревень и небольших земельных участков.

Ключевые слова: гидронимы, топонимы на *-иха*, структура, деривация, этимология, исторические Новгородско-Псковские земли.

УДК 81`373.6:81`373.211(470.24+470.23)

Valery L. Vasiliev – Dr. Sci. in Philology, Professor, Leading Researcher of Etymology and Onomastics Department, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4708-7786

Received: 14.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

This article comprehensively analyzes, primarily from the perspective of derivation and etymology, water names ending in *-ikha*, localized in the central historical lands of medieval Novgorod and Pskov. Approximately 70 such names have been discovered in this region (a list is appended to the article). All of them are relatively late derivatives, appearing no earlier than the 15th century and based on lexical motivators of various categories. Formations based on personal names (*Nazarikha*, *Fomikha*, *Zurikha*, *Krasikha*, etc.) are quite numerous, accounting for approximately half of the list. Apparently, no fewer hydronyms ending in *-ikha* are motivated by Russian (rarely Old Russian) appellative vocabulary with impersonal meanings: *Kobylikha*, *Zhelezikha*, *Pakostikha*, *Rudikha*, *Sderikha*, etc. Sometimes, village names are transferred to bodies of water (river *Falikha* < village *Falikha*). Individual hydronyms were re-formed or further formed from their variants with different formants (*Drozdikha* < *Drozdyanka*, *Komarikha* < *Komar*), this fully applies to hydronyms with non-Slavic substrate stems (*Boldanikha*, *Galmachikha*, *Pelchikha*, *Sheldikha*). The article concludes with a thorough discussion of the origin of the *-ikha* hydronym model, which has features of similarities and differences with the toponymic model *-ikha*. The source of the hydronymy under consideration were the medieval names of newly formed small villages and small plots of land.

Keywords: hydronyms, toponyms ending in *-ikha*, structure, derivation, etymology, historical Novgorod-Pskov lands.

OECD: 6.020Y

В **Постановка проблемы.** На протяжении ряда лет мною предпринимается широкомасштабное комплексное исследование гидронимии в пределах центральных исторических земель Новгорода и Пскова. При изучении аспектов гидронимной деривации применяется т. н. методика обратного словаря, в соответствии с которой водные имена последовательно и исчерпывающе анализируются не по сходству основ, а по алфавитно-упорядоченным конечным элементам (финалям). Массив, состоящий из многих тысяч новгородско-псковских гидронимов, целиком разбивается на обозримые и, следовательно, удобные для рассмотрения последовательные сегменты, обладающие зачастую относительным структурным единством. Один из таких сегментов представлен водными именами с финалью *-иха*, о путях возникновения которых пойдет речь в предлагаемой статье.

История вопроса. Дериваты на *-иха*, как апеллятивные, так и проприальные, неоднократно попадали в фокус внимания исследователей. Отмечалось, что суффикс *-иха* – это один из продуктивных формантов не только в апеллятивной лексике, где он чаще всего образует модификаты со значением женскости (*портниха* < *портной*, *зайчиха* < *заяц*), но и в антропонимии, где обычно дает устно-разговорные наименования жены по мужу (*Ондрейниха* – жена *Ондрейна/Адриана, Адрианова*). Вместе с тем данный формант весьма регулярен в топонимии, особенно в регионах Поволжья к северо-востоку и востоку от Москвы, где обнаруживается выразительная концентрация русских поселенческих названий (ойконимов) на *-иха*, образованных в сравнительно позднее время [Никонов, 1959; Власова, 1971; Кучкин, 1973]. Различные функции суффикса *-иха* в истории русского языка и в русских говорах всесторонне рассматривались в работах [Азарх, 1979; Азарх, 2000, с. 103–108]. Согласно Ю. С. Азарх, на территории Новгородской земли и Северо-Восточной Руси топонимы на *-иха*, преимущественно ойконимы, фиксируются со 2-й половины XV в. Это прежде всего восходящие к апеллятивам и отапеллятивным прозвищам названия починков и деревень, а наименования селищ и пустошей единичны. По материалам писцовых книг XV–XVI вв., 85% новгородских названий на *-иха* приходилось на Бежецкую пятину, где они концентрировались на сравнительно небольшой территории правобережья Мсты до верховьев Тверцы, что, вероятно, говорит об относительной новизне рассматриваемой модели в новгородской топонимии указанной средневековой эпохи [Азарх, 1979, с. 190].

Методология и методика исследования. Гидронимия на *-иха* как таковая, в отличие от поселенческих названий аналогичной структуры, еще ни разу не становилась объектом отдельного исследования. В настоящей работе к краткому анализу привлечена современная, почерпнутая из материалов XX–XXI вв., гидронимия на *-иха*, сложившаяся в центральных исторических землях Новгорода и Пскова (далее – ИЗНП), под которыми понимается область новгородских пятин конца XV в.¹ вместе с прилегающими Псковской, Пусторжевской, Великолуцкой и Торопецкой

¹ За вычетом удаленных от Новгорода частей Водской и Обонежской пятин, которые приходятся на современную Карелию и северо-восток Ленинградской области.

землями, взятыми в границах XV–XVI вв. По современным меркам, это территория Ленинградской (не севернее Санкт-Петербурга), Псковской, Новгородской областей, северных и северо-западных районов Тверской области и крайних западных районов Вологодской области.

В регионе ИЗНП набирается около 70 гидронимов на *-иха*, около 80% из которых речные имена, остальные – озерные (см. список, приложенный к статье). Эта структурная модель стала результатом действия разных деривационных типов, различающихся производством гидронимов с помощью форманта *-иха* от тех или иных лексических категорий, а иногда и бесформантным способом, т. е. путем переноса готового слова-мотиватора на *-иха*. Практически все обсуждаемые водные названия никогда не исследовались ни в структурно-деривационном, ни в этимологическом отношении.

Анализ материала и результаты исследования. Вся гидронимия на *-иха* в пределах ИЗНП закреплена за незначительными водными объектами. В структурном отношении эта группа однородна, ибо под финалью *-иха* везде выступает единственный суффиксальный формант, не смешиваемый с иными формантами. Здесь даже не найти водных имен, равных апеллятивам на *-иха*. В гидронимию суффикс *-иха* распространился из смежной сферы ойконимии и при формировании гидронимии ИЗНП стал довольно продуктивен, судя по многочисленности обсуждаемого «рифмованного» сегмента. Водные названия с финалью *-иха* плотнее сосредоточены в восточной половине региона ИЗНП, особенно в бассейнах Мсты и Мологи, что объяснимо близостью к максимально плотному массиву ойконимии и иной топонимии с данным формантом в регионах Поволжья примерно до широты Нижнего Новгорода, выделенному В. А. Никоновым [Никонов, 1959, с. 335]. Начало распространения на новгородско-псковской территории таких водных имен приходится на XV в. Действительно, материал писцовых книг конца XV – XVI в., охватывающий обширную область новгородских пятин, содержит всего лишь четыре гидронима на *-иха*: *Вертиха*, *Фалиха*, *Курьевониха*, *Щебериха* [НПК, 1859, с. 651; 1862, с. 701; 1910, с. 345, 847] при том, что ойконимов на *-иха* в НПК насчитывается во много раз больше. Следовательно, довольно многочисленная сегодня в ИЗНП группа гидронимов на *-иха* сложилась сравнительно поздно, преимущественно в старорусскую эпоху. От своего источника – ойконимии – данная гидронимная модель не успела заметно обособиться, сохранив общие с ойконимией коренные особенности. Одна из них – наличие большого числа водных названий на *-иха* с основами, свойственными личным именам, прозвищам и обозначениям лиц: *Барсиха*, *Богачиха/Базачиха*, *Боканиха*, *Гранчариха*, *Зуриха*, *Кошутиха*, *Красиха*, *Кузьмиха*, *Луниха*, *Любашиха*, *Любиха*, *Назариха*, *Никитиха*, *Никулиха*, *Патрушиха*, *Петрушиха*, *Петушиха*, *Решетиха*, *Скупиха*, *Соболиха*, *Тараканиха*, *Терешиха*, *Устиха*, *Фалиха*, *Фомиха*, *Чубариха*, *Шарапиха/Шараниха*, *Шестиха*, *Ястребиха* и др. Такие деантропонимные дериваты занимают около половины всего массива гидронимов на *-иха* в регионе ИЗНП. Основы их, как правило, хорошо известны в материале старорусской и русской антропонимии, только отдельные требуют дополнительных пояснений, например в *Богачиха/Базачиха* (р. возле Боровичей) первая вариантная форма народноэтимологически преобразована из второй,

подтвержденной источниками: по материалам 2-й половины XVIII в. речка именовалась *Базачиниха* [Васильев, 2017, с. 126] по патрониму *Базачин*, ср. современные фамилии *Базачин*, *Базачев*². Перечисленные гидронимы на *-иха* подразумевают деривацию от собственных наименований лиц, которые были владельцами угодий вблизи водоемов и в ряде случаев отразили свои антропонимы в смежной ойконимии. Возле оз. *Шарапиха/Шараниха* находилась в XVI в. д. *Шерапова Горка* Молодиленского погоста [НПК, 1910, с. 1058, 1059], и оба эти названия отсылают к прозвищу *Шарап* или патрониму *Шарапов* владельца угодий. Псковская р. *Любашиха* вместе с прилегающим урочищем *Любашиха* Островского р-на отражают имя *Любаш (Любаша)* основателя исчезнувшей ныне деревни.

При тождестве р. *Любашиха* – д. *Любашиха* весьма вероятны прямые переносы деантропонимных ойконимов с финалью *-иха* на соседние гидрообъекты. Похоже, как раз благодаря трансферу ойконима на *-иха* очень рано, еще в XVI в., закрепилось название р. *Фалиха*, на берегу которой значится одноименное урочище Любытинского р-на Новгородской обл., а прежде стояла д. *Фалиха* погоста Прокофьевского на Белой 1564 г. [НПК, 1910, с. 847], подразумевающая перволадельца (первопоселенца) по имени *Фаля*, сокращенному из *Фалалей*.

Обращение к истории формирования отдельных водных названий с финалью *-иха*, показывающих исконно апеллятивные, «неличные» основы, тоже иногда обнаруживает их вторичность по отношению к инооформленной микросистемной ойконимии. Например, гидроним *Болотиха* двух разных рек Среднего Помесья (одна – приток Холмицы, другая – приток Отни), образовался при помощи форманта *-иха* от названий средневековой д. *Болото* 1564 г. [НПК, 1910, с. 849] и ур. *Каменное Болото* неподалеку от пос. Любытино. Производящий ойконим в таких случаях сам бывает производным раннего варианта гидронима, так, на р. *Лютиха/Лючиха*, п.пр. Лабьи бассейна Мсты, перенеслось название прибрежной д. *Лютиха* начала XX в. при том, что средневековое название *Лютница* этой деревни Жабенского погоста 1495 г. [НПК, 1859, с. 626] безусловно дублирует прежнюю типовую форму на *-ица* речного имени. Оз. *Глубочиха* возле г. Бологое поименовано по д. *Глубочиха* Бологовского погоста 1495 г. [НПК, 1859, с. 107], а деревня – по озеру, именованному тогда *Глубокое*, этот ранний вариант лимнонима до сих пор сохраняется наряду с поздним *Глубочиха*. Появление еще в XVI в. новой вариантной формы *Щебериха* у старого названия р. *Щебереха*, п.пр. Полы, обязано обустройству д. *Щебериха* Жабенского пог. 1495 г. [НПК, 1859, с. 649, 651] в истоках Щеберехи. В данном случае полученное трансфером гидронима название деревни сначала переоформилось по образцу продуктивной модели ойконимов *-иха*, а потом устоялось еще и как один из гидронимных вариантов. Преобразования произошли по схеме: р. *Щебереха* > д. *Щебериха* > р. *Щебериха/Щебереха*. Все такие факты подразумевают закрепление форманта *-иха* сначала в ойкониме с дальнейшим воспроизведением в современном деойконимном имени водного объекта.

То обстоятельство, что новгородско-псковская гидронимия на *-иха* относится к малым речкам и озерам, коррелирует с особенностями денотатов негидронимных названий на *-иха*, изначально закреплявшихся за незначительными объектами

² От прозвища **Базач* крикливого человека, с корнем диал. *базáнить* ‘громко кричать’, *базлó* ‘горло’, но и ‘горлодер’ и т. п. [СРНГ, 1966, с. 47, 49, 50].

культурного ландшафта: судя по материалам новгородской писцовой документации XV–XVI вв., такие названия были особенно активны при номинации починков – первоначальных селений размером в один двор, иных мелких деревень, а также отдельных нив и других небольших угодий. Порой о незначительности таких селений сигнализируют сами гидронимы, так, название р. *Бутыриха* образовано от термина *бутырки*, указывавшего на ‘избу, жилище, селитьбу, отдельную от общего поселения, дом на отшибе, особняком’, так называли еще подгородные слободы в Москве и Рязани [Даль, 1998, с. 146].

Разумеется, деривационная зависимость гидронимии на *-иха* от соседней «сухопутной» топонимии отчетливо доказывается в ограниченном числе случаев, особенно тех, которые подкреплены историческими письменными фиксациями, а для большинства водных названий как с деантропонимными, так и с апеллятивными основами следует думать о самостоятельном, независимом производстве. Некоторые примеры. Название р. *Балаблиха*, фонетически сокращенное из **Балаболиха*, образовано от *балабол* или *балаболить* ‘пустословить, болтать’ (в рамках модели персонифицирующего именованья по признаку журчания воды); название р. *Боровиха* произведено от *боровой*, будучи номинацией по признаку борового прибрежного ландшафта; *Бочиха* (один из притоков Мологи) – от обозначения бочки (ср. псковск. *бóча* ‘бочка’ [ПОС, 1973, с. 136]), использованного метафорически: ‘глубокое место; яма с водой’; *Волчиха* (применительно к одному из заливов оз. Ильмень) – производное от *волчий*, омонимичное по деривации диал. *волчиха* ‘самка волка’ от *волк*; *Железиха* – от *железо*, в связи с наличием железной руды по берегам этого озера; *Бредиха* – от диал. *бред* ‘ива, ивняк’; *Карасиха* (смежные р. и оз. бассейна Мологи) – от *карась* или *карасий*, номинация водоема, где много карасей; *Зачахлиха* (применительно к протоке в устье Ловати и Полы) – от собственно новгородского термина *з́ахаль* ‘топкое место, трясина’ [Строгова, 1991, с. 42], ‘топкое место с гниющими растениями’ [НОС, 2010, с. 327]; *Комариха* и *Муравьиха* – от обозначений комара и муравья (энтомологическая номинация, образно подчеркивающая незначительность, ничтожность речек); *Кобылиха* (р. бассейна Мологи в системе Сарагожи) – от *кобылий*; *Балдиха* (р. бассейна Мологи в системе Волчины) – от термина *балда́* ‘заросшее озеро, изобилующее карасями’, известного в яросл., поволж. говорах [СРНГ, 2004, с. 79–80].

Изложенные факты безусловно сигнализируют о сложении уже собственно гидронимной структурной модели *-иха*, автономной от негидронимных названий с финалью *-иха*. В силу роста продуктивности в последние столетия эта модель была способна потеснить иноформантные типы, порой не менее продуктивные, например названия *Комариха*, *Муравьиха*, *Дроздыха* сегодня закреплены за речками, которые на старых картах XIX-го – начала XX в. подписаны *Комар*, *Дроздянка*, *Муравленка*.

Интересный случай переоформления по образцу *-иха* демонстрирует *Сдериха* (р. в системе р. Осени возле Бежецка). Оно принадлежит к многочисленной группе закрепленных в разных регионах Европейской России имен малых рек и ручьев *Вздери́ха*, *Вздери́шка*, *Вздерино́шка*, *Вздерино́жка*, *Вздерино́га*, *Вздери́шка*, *Взды́риха*, *Вздери́нка*, *Вздерино́вка*, *Вздери́ Нога* и т. п., которые сложились на базе императивного словосочетания *вздери ногу* и образно закрепили ситуацию перехода

через мелководье, подр. [Васильев, 2012, с. 397–399]. Название *Сдери́ха*, прежде чем примкнуть к модели *-иха*-дериватов, прошло промежуточные этапы выпадения слогов и обратной деривации: *въздери ногу* > *Вздеринога* > *Вздериножка* > *Вздериношка* > *Вздеришка* > *Здеришка* > *Сдери́ха*.

Поскольку развитие модели ИЗНП-гидронимов *-иха* началось сравнительно поздно, не ранее XV в., в ней очень мало обнаруживается исконно славянских основ с чертами архаической пережиточности, равно как и основ дославянских, субстратных. При обнаружении столь древних основ следует исходить из презумпции сравнительно позднего дооформления, переоформления или фонетических преобразований прежних гидронимных вариантов. Лимноним *Сомиха* применительно к озеру в окрестностях города Валдай был поздно переоформлен из прежних своих вариантов на *Сомин-*, донесенных исторической документацией: этот водоем именовался *Соминец* в XV–XVII вв., *Сомино* до XIX вв., и к нему прилегал средневековые дд. *Соминец* и *Соминцов Конец* [НПК, 1859, с. 195, 196, 208; ПКНЗ, 2004, с. 112], подр. сведения [Васильев, 2017, с. 64]. Здесь совершенно ясно прослеживается ход изменений: лимноним *Сомино* (< др.-вост.-слав. *somīn-* ‘моховой’ [Васильев, 2012, с. 654]) дооформился на протяжении XIX столетия в **Соминиха*, а затем сократился в *Сомиха*, пережив утрату срединного слога. Название р. *Пакости́ха* среди притоков Шелони в окрестностях Порхова дооформилось, надо полагать, из раннего своего варианта **Пакость* (не зафиксированного, но косвенно подтверждаемого наличием р. *Пакость*, л.пр. Мшаги, тоже в бассейне Шелони), который, в свою очередь, приравнивается к *пакость* в раннем, древнерусском значении ‘препятствие, помеха’, исходя из родства этого существительного с древнерусск. *пако*, *опако* ‘обратно’ и с топонимией на *Пак-*, такой как *Пакомо*, *Пачки*, *Пакуша* на новгородской территории, подр. [Васильев, 2012, с. 527–530].

Неславянские субстратные основы определенно прослеживаются в названиях малых речек *Болдани́ха/Болдони́ха/Балды́ни́ха/Бондариха*, *Галмачиха/Холмачиха*, *Пельчиха* и *Шельдыха/Шальдыха*. Они сравнительно поздно дооформились по образцу *-иха* из своих ранее обрусевших вариантов неславянского происхождения. Первое из этих названий, относящееся к речке Южного Приильменя, – очевидный балтизм ввиду литовск. *Baldonas* оз., латышск. *Balduone* луг [Vanagas, 1981, р. 56], прусск. *Baldayn*, *Baldingis* [Gerullis, 1922, р. 15]. Восточнославянский полногласный рефлекс в *Болдани́ха* не случился, как нет его и в родственном яросл., поволж. *балда́* ‘заросшее озеро, изобилующее карасями’, которое считается вероятным русским заимствованием из балтского и сравнивается с литовск. *Bald-upė*, латышск. *Baldas*, *Balde* и др. [Аникин, 2008, с. 136]. Второе название – р. *Галмачиха/Холмачиха* к северу от Пскова близ восточного берега Чудско-Псковского озера – объяснимо через эстонск. *holm*, *olm* ‘остров, островок’, финск. *holma* ‘остров, скала’ [SSA, 1992, s. 171]; формант *-иха* здесь наложился, похоже, на прибалтийско-финский суффикс *-k-* (ср. деминутивный суф. *-ke-* в эстонском), вызвав ожидаемую мену согласных *-k-* > *-ч-* перед гласным. Третий гидроним – р. *Пельчиха* в Юго-Восточном Приладожье – имеет основу такую же, как в именах озер *Р’ол’ц* и *Пельчужень* сопредельного бассейна Свири, которые объясняют из прибалтийско-финск. *pieli* ‘бок’ и т.п., осложненного суффиксом *-č-*, мотивируя признаком бокового расположения относительно иных гидрообъектов [Захарова и др.,

2018, с. 208]. На Юго-Восточное Приладожье также приходится *Шельдиха/Шальдиха* – дериват от карельск. *šilda, šilta* ‘мост’. В отличие от вышеуказанных древних единиц дославянского субстрата, данное речное имя наверняка более позднее: оно было оставлено приладожскими карелами, проживавшими к югу от Ладоги сравнительно недавно, уже в эпоху экспансии форманта *-иха*.

Гидронимы на *-иха* в Верхнем Поднепровье отмечались существенно реже, чем в Новгородско-Псковском регионе: ранее приводили всего 15 таких названий, закрепленных преимущественно в бассейне Десны [Топоров и др., 1962, с. 134–135]. Несколько неожиданным кажется наблюдение о «четырёхкратном возрастании» числа гидронимов на *-иха* с севера на юг, по мере продвижения из Верхнего Поднепровья в Среднее и Нижнее Поднепровье, «где их довольно много на небольшом пространстве» [Трубачев, 1968, с. 169]. Автор справедливо объясняет это развитием черт самостоятельности, независимости от соответствующих топонимов гидронимии *-иха* на Украине, особенно в ее восточной, правобережной части.

Выводы. Проведенный краткий анализ, посвященный в первую очередь аспектам деривации и этимологии, позволил впервые обосновать формирование с XVI столетия в регионе центральных исторических Новгородско-Псковских земель собственно гидронимной структурной модели *-иха*, обладающей чертами автономности. Источником стала «сухопутная» топонимия на *-иха*: названия новообразованных починков, недавно обустроенных однодворных деревень и, в меньшей степени, оронимия – небольших земельных угодий. В пределах Новгородской земли такая топонимия в XV–XVI вв. на 85% относилась к территории Бежецкой пятины – юго-восточному сектору обследуемого региона ИЗНП. Гидронимия на *-иха* разделяет с равноформленной топонимией некоторые общие сходства в денотативной приуроченности (закреплена за гидрообъектами очень малых размеров), в мотивационной базе (часто показывает исконно антропонимные и лично-апеллятивные основы, таких гидронимов около половины всего массива). В некотором ограниченном числе случаев она обязана своим появлением переносам готовых поселенческих названий на прилегающие гидрообъекты. Но подавляющее большинство ИЗНП-гидронимов образовались при помощи форманта *-иха* самостоятельно, независимо от топонимии, что свидетельствует о росте продуктивности модели в регионе после XVI в., хотя и довольно умеренной. Об автономности гидронимной модели *-иха* в пределах ИЗНП свидетельствуют: 1) преобладание производства от нелично-апеллятивных основ, в том числе с гидрографическим значением (примерно половина всех названий); 2) переоформление с помощью *-иха* инооформленных гидронимных вариантов славянского происхождения и дооформление отдельных элементов субстрата); 3) ареальная дистрибуция гидронимии на *-иха* далеко за пределы первоначального оттопонимного очага в юго-восточном секторе ИЗНП. В настоящее время на юго-восточные районы, охваченные системами рек Мсты, Мологи и Чагоды, приходится менее половины (не более 45%) от массива водных названий на *-иха*, остальные же рассеяны по всей площади ИЗНП, включая западные и юго-западные периферии.

Приложение.

Список новгородско-псковских гидронимов на *-иха*³

- Балаблиха* – р. в оз. Удомля басс. Мсты
Балдиха – р. в оз. Сестрино басс. Мологи
Барсиха – р. в оз. Налю басс. Мсты
Богачиха/Базачиха – л.пр. Мсты
Боканиха – л.пр. Куньи, п.пр. Ловати
Болданиха/Болдониха/Балдыниха/Бондариха – п.пр. Заробской Робы, п.пр. Ловати
Болотиха – п.пр. Отни, п.пр. Мсты
Болотиха – л.пр. Холмицы, л.пр. Радули, л.пр. Отни, п.пр. Мсты
Боровиха – л.пр. Мошни, л.пр. Холы, л.пр. Мсты
Бочиха – л.пр. Мологи
Бредиха – л.пр. Торопы, п.пр. Западной Двины
Бутьриха – л.пр. Вешары, л.пр. Колпи, п.пр. Суды
Волчиха – залив в оз. Ильмень, устье Шелони
Галмачиха/Холмачиха – пр. Ремды, л.пр. Желчи, р. в оз. Чудское
Глубочиха – оз., басс. Мсты, сток в оз. Бологое
Гранчариха – л.пр. Скоробытки, л.пр. Олицы, л.пр. Лсты, л.пр. Сороти, п.пр. Великой
Гречиха – пр. Морожи, р. в оз. Исовец басс. Западной Двины
Дроздыха (Дроздянка) – л.пр. Толбицы, р. в оз. Псковское басс. оз. Чудское
Железиха – оз., басс. Полы
Зачахлаха – прот. в устье Ловати и Полы
Зуриха – оз., басс. Полы, близ оз. Ельчинское
Карасиха – оз., басс. Мологи, сток в р. Карасиха
Карасиха – р. в оз. Полобжа басс. Мологи
Кобылиха – р. в оз. Застижское басс. Мологи
Комариха (Комар) – л.пр. Оскуи, п.пр. Волхова
Кошутиха – л.пр. Белой, п.пр. Кати, п.пр. Мологи
Красиха – п.пр. Лойки, п.пр. Могочи, пр. Осени, п.пр. Мологи
Кузьмиха (Кузьминское) – оз. при оз. Ильмень
Кульчиха (Куль) – л.пр. Варавинки, п.пр. Жеребчахи, л.пр. Ловати
Луниха – оз., басс. Чагоды, сток в р. Сомина
Любашиха – п.пр. Черехи, п.пр. Великой
Любиха – л.пр. Радуги, л.пр. Рени, п.пр. Мологи
Лютыха (Лютышка) – п.пр. Лабьи, р. в оз. Шлино басс. Мсты
Морщиха – р. в оз. Стерж басс. Волги
Муравыха (Муравленка) – л.пр. Ломнушки, р. в оз. Старское басс. Мологи
Назариха – л.пр. Топалки, п.пр. Мологи
Никитиха – р. в оз. Макаровское басс. Западной Двины
Никулиха – п.пр. Колешевки, п.пр. Шелони

³ Гидронимы взяты из письменных и картографических материалов XX–XXI вв. Ссылки на источники ради экономии места не приведены. Используются сокращения: басс. – бассейн, пр. – приток, л.пр. – левый приток, п.пр. – правый приток, р. – река, оз. – озеро.

Новиха – п.пр. Серези, п.пр. Куньи, п.пр. Ловати
Паклиха – пр. Городни, п.пр. Западной Двины
Пакостиха – п.пр. Шелони
Патрушиха – оз., басс. Мсты
Патрушиха – п.пр. Лабокши, п.пр. Суды
Пельчиха – п.пр. Сары, п.пр. Лавы, р. в оз. Ладожское
Петрушиха – оз., басс. Полы, сток в оз. Среднее
Петушиха – оз., басс. Западной Двины, сток в р. Грустынка
Пожариха – л.пр. Лубони, л.пр. Омуги, л.пр. Плюссы
Прудиха – л.пр. Порослы, р. в оз. Гусевское басс. Мологи
Решетиха – л.пр. Лойки, п.пр. Могочи, пр. Осени, п.пр. Мологи
Рудиха – л.пр. Мсты
Сдериха – п.пр. Лойки, п.пр. Могочи, пр. Осени, п.пр. Мологи
Сениха – п.пр. Шогды, л.пр. Суды
Сивиха – оз., басс. Плюссы, сток в р. Яня
Скупиха – р. в оз. Полобжа басс. Мологи
Соболиха – пр. Сутоки, р. в оз. Еменец басс. Мологи
Сомиха – оз., басс. Мсты, сток в оз. Михайловское
Тараканиха (Таракановский) – л.пр. Рачицы, п.пр. Насвы, л.пр. Ловати
Терешиха – л.пр. Тросны, п.пр. Межи, л.пр. Западной Двины
Устиха – пр. Навереки, п.пр. Многи, п.пр. Великой
Фомиха – л.пр. Холмицы, л.пр. Радоли, л.пр. Отни, п.пр. Мсты
Фомиха – оз. при оз. Ильмень
Чубариха – оз., басс. Полы, сток в р. Неверка
Шараниха – оз., басс. Чагоды, сток в оз. Чухново
Шельдиха/Шальдиха – р. в оз. Ладожское
Шестиха – л.пр. Евы, п.пр. Еменки, р. в оз. Комшино басс. Ловати
Шумиха – п.пр. Шарьи, п.пр. Оскуи, п.пр. Волхова
Щебериха (Щебереха) – п.пр. Полы
Ястребиха – р. в оз. Кривцово басс. Мологи

Литература

- Азарх, Ю. С. (1979). Слова на *-иха* в русском языке. *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования, 1977* (с. 175–195). Москва: Наука.
- Азарх, Ю. С. (2000). *Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте*. Москва: Наука.
- Васильев, В. Л. (2012). *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Васильев, В. Л. (2017). *Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Власова, И. В. (1971). Ареалы топонимов с формантом *-иха* и *-ата, -ята* в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги. *Этнография имен* (с. 184–194). Москва: Наука.
- Захарова, Е. В., Кузьмин, Д. В., Муллонен, И. И., & Шибанова, Н. Л. (2018). *Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Кучкин, В. А. (1973). Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха*. *Ономастика Поволжья: материалы III конференции по ономастике Поволжья, Уфа, 1971 г. Т. 3* (с. 231–242). Уфа: АН СССР, Башкирский филиал.
- Никонов, В. А. (1959). География русских суффиксов. *Ономастика: pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu, 9*, 321–345.
- Строгова, В. П. (1991). *Как говорят в Новгородском крае*. Новгород: Упрполиграфиздат.
- Топоров, В. Н., & Трубачев, О. Н. (1962). *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Трубачев, О. Н. (1968). *Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация*. Москва: Наука.

Источники

- Аникин, А. Е. (2008). *Русский этимологический словарь: в 10 вып. Вып. 2: (б – бдынь)*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Даль, В. И. (1998). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Москва: Прогресс.
- НОС (2010). *Новгородский областной словарь*. Санкт-Петербург: Наука.
- НПК (1859). *Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею: в 10 т. Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1 половина*. Санкт-Петербург: тип. Безобразова.
- НПК (1862). *Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею: в 10 т. Т. 2: Переписная*

References

- Azarkh, Yu. S. (1979). Words ending in *-ikha* in Russian. *Common Slavic Linguistic Atlas: Materials and Research, 1977* (pp. 175–195). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Azarkh, Yu. S. (2000). *Russian nominal dialectal word formation in the linguogeographic aspect*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (1973). Some issues of the historical interpretation of toponyms ending in *-ikha*. *Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the III Conference on Onomastics of the Volga Region, Ufa, 1971. Vol. 3* (pp. 231–242). Ufa: USSR Academy of Sciences Publ., Bashkir Branch. (In Russian).
- Nikonov, V. A. (1959). Geography of Russian suffixes. *Onomastica: Journal Dedicated to Geographical and Personal Names, 9*, 321–345. (In Russian).
- Strogova, V. P. (1991). *How they say it in the Novgorod region*. Novgorod: Uprpoligrafizdat Publ. (In Russian).
- Toporov, V. N., & Trubachev, O. N. (1962). *Linguistic analysis of the hydronyms of the Upper Dnieper region*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Trubachev, O. N. (1968). *Names of the rivers of Right-Bank Ukraine: word formation, etymology, ethnic interpretation*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Vasiliev, V. L. (2012). *Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land*. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi Publ. (In Russian).
- Vasiliev, V. L. (2017). *Hydronymy of the Msta River basin: a collection of names and an analysis of microsystems*. Moscow: YASK Publ. (In Russian).
- Vlasova, I. V. (1971). Areas of toponyms with the formant *-ikha* and *-ata, -yata* in the Trans-Volga region and the interfluvium of the Northern Dvina and Volga. *Ethnography of Names*: (pp. 184–194). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Zakharova, E. V., Kuzmin, D. V., Mullonen, I. I., & Shibanova, N. L. (2018). *Toponymic models of Karelia in the spatio-temporal context*. Moscow: YASK Publ. (In Russian).

Sources

- Anikin, A. E. (2008). *Russian etymological dictionary: in 10 vols. Vol. 2*. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi Publ. (In Russian).
- Baranov, K. V. (Comp.). (2004). *The census books of the Novgorod land: in 6 vols. Vol. 4*. Moscow: Drevlehranilishche Publ. (In Russian).
- Dal, V. I. (1998). *Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vols*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Gerullis, G. (1922). *Die altpreussischen Ortsnamen*. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter.
- Lebedeva, A. I., & Mzhelskaya, O. S. (Eds.). (1973). *Pskov regional dictionary with historical data (1967–2024): in 29 vols. Vol. 2*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2 половина. Санкт-Петербург: тип. Безобразова.

НПК (1910). *Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею: в 10 т. Т. 6: Книги Бежецкой пятины*. Санкт-Петербург: тип. Безобразова.

ПКНЗ (2004). Баранов, К. В. (сост.). *Писцовые книги Новгородской земли: в 6 т. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг.* Москва: Древлехранилище.

ПОС (1973). Лебедева, А. И., & Мжельская, О. С. (ред.). *Псковский областной словарь с историческими данными (1967–2024): в 29 вып. Вып. 2: Библиотека – башутка*. Ленинград: ЛГУ.

СРНГ (1966). Сороколетов, Ф. П. (ред.). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 2: Ба – Блазниться*. Москва, Ленинград: Наука.

СРНГ (2004). Сороколетов, Ф. П. (ред.). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 38: Скинуть – Сметушка*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

Gerullis, G. (1922). *Die altpreussischen Ortsnamen*. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter.

SSA (1992). Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Ed.). *Suomalaisten sanojen alkuperä: etymologinen sanakirja: 3-osaisena. 1 Os.: A–K*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Sera.

Vanagas, A. (1981). *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.

Novgorod cadastre books, published by the Archaeographic Commission (1859): in 10 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Bezobrazov Typography. (In Russian).

Novgorod cadastre books, published by the Archaeographic Commission (1862): in 10 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Bezobrazov Typography. (In Russian).

Novgorod cadastre books, published by the Archaeographic Commission (1910): in 10 vols. Vol. 6. St. Petersburg: Bezobrazov Typography. (In Russian).

Novgorod regional dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Sorokoletov, F. P. (Ed.). (1966). *Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 2*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Sorokoletov, F. P. (Ed.). (2004). *Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 38*. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

SSA (1992). Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Ed.). *Suomalaisten sanojen alkuperä: etymologinen sanakirja: 3-osaisena. 1 Os.: A–K*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Sera.

Vanagas, A. (1981). *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.

Для цитирования:

Васильев, В. Л. (2025). Гидронимия на *-иха* в исторических Новгородско-Псковских землях. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 30–40. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-30-40](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-30-40)

For citation:

Vasiliev, V. L. (2025). Hydronymy in *-ikha* in historical Novgorod-Pskov lands. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 30–40. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-30-40](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-30-40) (In Russian).

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ / DIALECT WORD: GRAMMATICAL ASPECT

Номинативное гнездо как способ описания диалектной лексики

Ю. И. Андреева

Application of nominative families as method of dialectal vocabulary description

Yu. I. Andreeva

Андреева Юлия Игоревна – магистрант, кафедра филологии, Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: yulia0301andreeva@mail.ru

Статья поступила: 14.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

В статье рассматриваются слова Новгородского областного словаря, образующие тематические группы «мелкие сельскохозяйственные животные» и «животные-компаньоны», которые ранее не становились предметом специального описания на диалектном материале. Для изучения региональной культуры большое значение имеет диалектная лексикография. Лексика, собранная в диалектных словарях, часто является единственным свидетельством о жизни и быте целых поколений людей. При описании диалектной лексики особое внимание уделяется разработке принципов составления тематических (идеографических словарей). Предлагаемое автором включение в словарь этимологических и этнолингвистических сведений позволит представить общую историю диалектного слова, проследить его связи с другими словами в том же диалекте и рассмотреть отраженные в нем этнографические и культурологические сведения, отображающие народную жизнь. В статье представлен способ составления словарной статьи идеографического диалектного словаря по номинативным гнездам, объединяющим диалектные наименования определенных реалий народного быта. Выявлены различия в качественно-количественном составе разных тематических групп лексики, образующих общее поле, например в рассмотренных группах домашних животных.

Ключевые слова: анимализм, диалектная лексикография, идеографический словарь, номинативное гнездо, тематическая группа

УДК 81'28

Yulia I. Andreeva – Master's degree student, Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-9508-0745

Received: 14.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

The article examines words from the Novgorod Regional Dictionary that form the thematic groups “small farm animals” and “companion animals”, which have not previously been the subject of dedicated descriptions based on dialectal material. Dialectal lexicography is of great importance for the study of regional culture. The vocabulary collected in dialectal dictionaries is often the only evidence of the lives and customs of entire generations of people. When describing dialectal vocabulary, special attention is paid to developing principles for compiling thematic (ideographic) dictionaries. The author's proposed inclusion of etymological and ethnolinguistic information in the dictionary will allow us to present the general history of a dialectal word, trace its connections with other words in the same dialect, and examine the ethnographic and cultural information reflected in it, which reflects the people's life. This article presents a method for compiling an ideographic dialect dictionary entry based on nominative families, which unite dialectal names for specific aspects of everyday life. Differences in the qualitative and quantitative composition of different thematic vocabulary groups that form a common field are identified, for example, in the groups of domestic animals considered.

Keywords: animalism, dialect lexicography, ideographic dictionary, nominative family, thematic group

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Отдельное диалектное слово или целая группа слов является ценным культурным, историческим, этнографическим источником для изучения мировоззрения, особенностей хозяйственной деятельности, семейно-бытовой культуры народа. Изучение диалектной лексики неизбежно приводит исследователей

к членению ее на группы или темы, соответствующие обозначаемым реалиям. Изучение тематической группы, а не отдельно взятой лексической единицы позволяет, с одной стороны, составить наиболее полное представление об изучаемом фрагменте действительности, а с другой, – изучить связи и отношения каждого отдельного слова как лексической единицы с другими словами в пределах тематической группы, то есть объединить экстралингвистический и лингвистический аспекты описания, что особенно важно для исследования диалектной лексики. Поэтому в диалектологических исследованиях последнего десятилетия большое внимание уделяется разработке принципов составления тематических (идеографических) диалектных словарей.

Идеографический тип диалектного словаря предполагает описание народного знания о мире – народной языковой картины мира – во всем ее своеобразии и отличиях от научной картины мира. Сама структура такого словаря должна выявлять ведущие категории и понятия народной культуры: его лексический состав разделяется на части, группы и подгруппы (темы) в соответствии с представлениями говорящих об устройстве окружающего мира и укладе повседневной жизни.

Структурирование словарного состава языка может осуществляться на разных основаниях, как собственно лингвистических, так и внеязыковых, то есть экстралингвистических. Совмещение системного и этнолингвистического изучения диалектных слов позволяет представить фрагмент лексической системы как фрагмент объективной действительности, а это в свою очередь позволяет обнаружить регионально-культурную специфику диалектной системы данного региона.

Цель предлагаемой статьи – представить комплексное описание диалектных слов-анимализмов, включающее их словарное толкование, этимологические и этнолингвистические сведения, которое может быть использовано как новый способ представления лексики в идеографических диалектных словарях.

История вопроса. Активное развитие диалектологии и диалектной лексикографии началось в 40–50-е гг. XIX в. В это время появляются «Опыт областного великорусского словаря» И. И. Срезневского (1852), «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого (1855), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863) и др. Новый период в развитии диалектной лексикографии – это 50–60-е гг. XX в.; именно в это время формируется системный подход к описанию диалектной лексики, появляются работы, посвященные отдельным тематическим и лексико-семантическим группам народной речи: предметно-бытовой, производственно-промышленной лексике, лексике флоры и фауны и др. Наиболее рациональным способом описания собранных диалектных языковых фактов становятся диалектные словари: они экономно, в удобной форме представляют

существенную и разнообразную информацию о диалектном слове, различных его свойствах, системных связях, характере употребления, частотности, произношении, ареале и т. п. [История русской лексикографии, 1998, с. 530].

Одной из характерных особенностей современной диалектной лексикографии является создание словарей разных типов, различающихся объектом лексикографирования, то есть составом словников, задачами, решаемыми в словаре, степенью разработки диалектных слов и др. Как отмечают В. А. Козырев, В. Д. Черняк: «В диалектной лексикографии <...> утвердилась идея о системе словарей, описывающих диалектную лексику в полном объеме и с разных сторон» [Козырев, Черняк, 2004, с. 216].

Разные типы диалектных словарей предоставляют разные возможности для изучения материальной и духовной народной культуры, отраженной в диалектном слове. Полные диалектные словари, такие как «Псковский областной словарь» или «Словарь брянских говоров», включают всю лексику диалекта, а дифференциальные – только ту ее часть, которая противопоставлена литературному языку («Архангельский областной словарь», «Словарь вологодских говоров»). Общие толковые словари представляют лексику разных (всех) диалектов, как «Словарь русских народных говоров», а региональные словари – только одного или группы близких говоров, к ним относится Новгородский областной словарь (далее НОС).

Одним из типов диалектных словарей, сложившихся в последнее время, является региональный идеографический (тематический) словарь, который служит неисчерпаемым источником для изучения этнического и языкового своеобразия жителей определенной территории. Об этом свидетельствует активное обсуждение принципов составления таких словарей в научной литературе, а также подготовка тематических словарей авторскими коллективами разных диалектологических школ.

Основой для составления тематических словарей являются обычные диалектные словари разных типов. В качестве источника языковых фактов может выступать полный диалектный словарь – в этом случае тематический словарь будет ориентирован на лексику общерусскую и диалектную, отражающую круг общерусских и местных народных понятий.

Такой тематический диалектный словарь с этнографическим толкованием создан на основе Псковского областного словаря в научно-исследовательской лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного университета. Словарь, как говорится в Предисловии к нему, «воплощает идею исторической и социокультурной значимости народной речи, в которой, как в зеркале, отражается вся полнота реального существования и мировосприятия человека» [Традиционный быт псковских крестьян, 2012, с. 3]. Словник словаря, включающий около 650 единиц, сформирован по тематическим группам, которые включают лексику, называющую предметы вещного мира псковских крестьян: «Постройки. Традиционное жилище; Прядение. Ткачество. Домотканое полотно; Традиционная одежда, обувь; Традиционная пища» [там же, с. 283]. В структуре словарной статьи объединяются сведения этнографического и собственно лингвистического характера, раскрывающие специфику диалектного слова. Авторы предполагают продолжить работу над словарем, привлекая лексику других

тематических групп: относящуюся к традиционным ремеслам, наименования хозяйственной утвари и корзин, планируется расширить словники уже выделенных групп, усилить материалы, отражающие духовную культуру диалектоносителей. А. С. Разина отмечает, что такие словари отражают новый этап развития отечественной диалектной лексикографии: они связаны со все более узкой специализацией выходящих в свет изданий: в них диалектный языковой материал осмысливается с позиций этнографии и этнологии, тогда как традиционные словари описывают его языковые свойства [Разина, 2018, с. 53].

Источником для составления региональных тематических словарей, реализующих принципы комплексного описания лексики, может стать Новгородский областной словарь. Характеризуя этот словарь как важнейший источник фактов для изучения диалектной лексики Северо-Запада, Л. Я. Петрова, участвовавшая в его создании, отмечала его богатую лексикографическую базу, которая, в частности, делает возможным рассмотрение новгородской лексики на фоне словарных материалов других, соседних говоров. По типу он определяется как толковый (или прямой) региональный дифференциальный синхронный словарь, включающий в себя диалектные слова и фразеологизмы, употребляемые в Новгородской области (включая территорию Волховского и Тихвинского районов бывшей Новгородской губернии – ныне Ленинградской области).

НОС, создававшийся трудами и под руководством Веры Павловны Строговой (1924–1996), начинает выходить отдельными выпусками в 1992 г. Он содержит уникальные материалы по истории Великого Новгорода и его пятин. Благодаря богатству и своеобразию собранной в нем лексики, ее исторической значимости для русского языка, а также благодаря систематичности и тщательности ее обработки, НОС давно стал одним из важнейших источников лексикологических и этимологических исследований не только русской, но и общеславянской лексики. Из него можно также получить сведения об особенностях материальной и духовной культуры жителей Новгородской области, которые обусловлены исторически сложившимися традициями. Толкование диалектных слов, принятое в словаре, достаточно полно представляет значения слов, ставших объектом лексикографирования, а иллюстративный материал выявляет особенности функционирования слов в речи. Как и в других словарях, дается характеристика географии распространения представленной в НОС лексики.

О. И. Жмурко отмечает особую лингвокультурологическую ценность словарей дифференциального типа, представляющих собственно диалектную лексику одного говора: она считает, что они «обладают высокой степенью культурной информативности, позволяют получить всесторонние знания о разных сторонах жизни» [Жмурко, 2011, с. 212]. Несмотря на то, что такой словарь не дает представления обо всем богатстве лексической системы говора, он позволяет получить представление об особенностях того образа окружающего мира, который закреплен в представлениях жителей определенного региона, а значит, и об особенностях их повседневного быта.

Методология и методика исследования. НОС содержит ценную информацию об уходящей в прошлое духовной и материальной культуре жителей Новгородского

края. В нем представлена лексика обрядовая, обиходно-бытовая, анатомическая, природы, животноводства, народной медицины, родства, наименования, характеризующие человека, и др. Важно заметить, что НОС содержит десятки слов, которые вовсе не встречаются в других диалектных словарях (например, в СРНГ или ПОС), либо упоминаются в них в качестве иллюстративного материала, что говорит об исключительном своеобразии новгородского диалекта.

Системный подход к изучению лексического состава русских диалектов, принятый в современной диалектологии, реализуется, как уже отмечалось, в объединении лексики в более или менее обширные классы по разным основаниям (территориальные, семантические, словообразовательные и т. д. связи) и последующем описании выделенных классов. Одним из таких оснований служит полевой принцип, предполагающий выделение семантических, лексико-семантических, тематических группировок лексики. Как писал Ф. П. Сорокалетов, «исследовать лексику диалекта как систему – это значит исследовать состав и отношения элементов внутри тематических и лексико-семантических групп...» [Сорокалетов, 1978, с. 15].

В современных научных работах, посвященных системному описанию лексики, термины *семантическое поле*, *лексико-семантическое поле*, *тематическое поле*, как правило, употребляются либо как синонимы, либо как взаимосвязанные и дополняющие друг друга; термины *поле* и *группа* соотносятся обычно как обозначения целого и части). Отличительным признаком тематической группы, как в определении, предложенном Ф. П. Филиным, считается отсутствие лексико-семантических связей между словами, поскольку в основе тематической группы лежит классификация самих предметов и явлений [Филин, 1982, с. 227].

Мы используем термин *тематическое поле* как обозначение группы слов, объединенных общим родовым понятием, то есть общей «темой». Основанием для выделения тематической группы является совокупность предметов или явлений внешнего мира, объединенных по определенному признаку и обозначенных различными словами. Одним из важных признаков тематической группы является разнотипность языковых отношений между ее компонентами или отсутствие таковых вообще.

Тематическое поле можно рассматривать не только как один из видов системного объединения слов, но и как принцип описания лексики. Использование его в нашей статье обусловлено, во-первых, многотемностью и разнообразием состава НОС, как и любого диалектного словаря, которые предполагают анализ конкретных фактов, а не характеристику лексики в целом, и, во-вторых, принятым в нем способом лексикографирования лексических единиц, так как в объясняющей части словарных статей приводится не столько толкование *значения* диалектного слова, сколько *описание предмета или явления*, которые обозначены этим словом. В то же время учитывая, что «диалектная лексика вызывает интерес не только как объект лингвистических исследований, но и как источник уникальных исторических и этнографических материалов» [Дидковская, 2016, с. 29], системный анализ тематических групп в НОС дополняется сведениями этнолингвистического характера, что позволяет обнаружить регионально-культурную специфику диалектной системы данного региона. В качестве источников таких сведений использовались

этнолингвистический словарь Н. И. Толстого «Славянские древности» (1995–2012), книга А. Н. Афанасьева «Древо жизни» (1982), «Большой словарь примет» Т. Г. Никитиной (2009). При анализе отдельных диалектных лексических единиц применялись филологические методики анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, приемы лингвокультурологического анализа.

В качестве рабочего приема, совмещающего системный и этнолингвистический подход к анализируемому материалу, в нашей статье использована группировка диалектной лексики в составе тематической группы по «номинативным гнездам», причем в качестве имени «гнезда» выбирается слово литературного языка, называющее соответствующую реалию. Для структурирования материалов словарей дифференциального типа этот принцип имеет особое значение, поскольку слово литературного языка объединяет слова одного гнезда, образуя общую часть в их словарном толковании. В состав номинативного гнезда, кроме самих диалектных слов с лексикографическими комментариями, включены сведения, раскрывающие значимость обозначенных им реалий для диалектоносителей (см. примеры такого описания в [Дидковская, Андреева, 2024]).

Анализ материала. Объектом анализа в предлагаемой статье является тематическое поле, объединяющее слова-названия домашних животных – слова-анимализмы; в него, согласно данным НОС, входит 242 лексических единицы. Объединяющей «темой» для них могут служить слова, являющиеся общими наименованиями домашних животных, – *животина, животинина, животинка, животки, животы*, зафиксированные в НОС: **Животи́на**, -ы, ж. 2. Домашнее животное. *Мякиш себе, а корки животины. Уж у нас в доме всегда животина была: то корова, то козочка, то поросенок.* Пест. + Мар., Новг., Ок., Под., Сол., Тихв., Холм., Чуд. [НОС, 2010, с. 256]; **Животи́нина**, -ы, ж. Одно домашнее животное. *С этой животининой одна возня.* Дем. + Волх. [НОС, 2010, с. 256]; **Животы́**, ов, мн.; ед. живот, -а, м. Домашние животные, скот. *Станешь досвету, животов уберешь и байну пойдешь топить. Обливаем холодной водой мякину животам. Ничего-то у меня, никакого живота не осталось.* Мал. + Дем., Мар., Мош., Под., Холм. [НОС, 2010, с. 256].

Выбор тематического поля «Домашние животные» обусловлен рядом причин: во-первых, его качественно-количественный состав позволяет получить представление о номинативной специфике данной предметной сферы в новгородском словаре. Во-вторых, словарные статьи сообщают не только собственно лингвистическую информацию о словах-анимализмах, но могут стать источником сведений о значимости животных для сельского населения в прошлом и настоящем.

Слова-анимализмы, являясь одним из древнейших пластов лексики, отражают особенности национальной культуры, быт, традиции и обычаи народа, поскольку животные играли и играют значительную роль в жизни русского человека. Именно поэтому изучение анималистической лексики новгородского диалекта позволяет в полной мере понять этническое своеобразие и народное мировоззрение жителей Новгородчины и районов, исторически относящихся к ней.

Систематизируя лексику тематического поля «Домашние животные» по признаку «место животного в хозяйственной деятельности человека», мы выделили несколько тематических групп: *сельскохозяйственные животные*, в которой

различаются подгруппы наименований крупных сельскохозяйственных животных (корова, лошадь), мелких сельскохозяйственных животных (овца, коза, свинья), домашней птицы (курица, индюк, гусь); и *животные – компаньоны человека* (кошка, собака). Для систематизации диалектных наименований домашних животных в составе номинативных гнезд выбраны следующие признаки-мотивемы, закрепленные в словарных толкованиях: пол, возраст, физиологические особенности, внешние и поведенческие характеристики, хозяйственное назначение. Названные признаки представлены с разной полнотой и в разной комбинации у единиц разных номинативных гнезд.

Из состава тематического поля «Домашние животные» мы выбрали две группы – *мелкие сельскохозяйственные животные* (1) и *животные – компаньоны человека* (2); каждая из них состоит из разного числа номинативных гнезд разного количественного состава.

1. Наличие овец и коз, коров и лошадей в крестьянском хозяйстве также воспринималось как показатель благополучия и достатка. Овца, в первую очередь, служила источником шерсти, а коза источником молока и стояла по своему хозяйственному значению в одном ряду с коровой. Однако эти представители мелкого рогатого скота воспринимались крестьянами по-разному. Л. В. Сабурова отмечает: «Если овцы воспринимаются как стадные, мелкие, лишенные сообразительности животные, разводимые в крестьянском хозяйстве в первую очередь для получения мяса и шерсти, то коза считается “заместительницей” коровы – самостоятельным, неприхотливым животным, источником молока и мяса» [Сабурова, 2018, с. 4].

Свинья, являясь по своей природе неприхотливым и быстрорастущим животным, также составляла часть крестьянского хозяйства. Она служила источником мяса и сала.

Обозначения названных животных в литературном языке имеют общеславянское происхождение. Как указывает М. Фасмер, в этих случаях исключено заимствование. Например, коза́, укр., блр. коза́, ст.-слав. коза аїѣ, болг. коза́, сербохорв. ко́за, словен. kóza, чеш., слвц., польск., в.-луж., н.-луж. коза. Сюда же козел, род. п. -зла ... заимствование слова исключено [Фасмер, 1986, т. 2, с. 277]; овца́, укр. вівця́, др.-русс., ст.-слав. овьца ꙗꙋѡѡѡѡ (Супр.), болг. овца́, сербохорв. óвца [Фасмер, 1987, т. 3, с. 116]; свинья́, укр. свиня́, блр. свіння́, др.-русс. свинья, ст.-слав. свиниѡ хѡїѡѡѡ (Остром., Супр.), болг. свиня́, сербохорв. свѡња [Фасмер, 1987, т. 3, с. 579].

ОВЦА

В номинативное гнездо ОВЦА (8 слов), входят преимущественно слова, называющие самок животного: **Ба́рья**, -и, ж. Овца. Иди, барек загопи. Холм. + Пест. [НОС, 2010, с. 22]; **Ба́ша** (ба́ша), -и, ж. Овца. Баши идут, овечки. Чуд. + Ок., Пест. Загопи бяшу. Пест. [НОС, 2010, с. 27]; **Ба́шка** (ба́шка), -и, ж. Овца. Башек зови. Ст. + Пест. Пока башек выводила, внучка проснулась. Новг. + Пест. [НОС, 2010, с. 27]; **Овчи́шка**, -и, ж. Овца. Овчишка оставше одна, решишь ею, одна привяза. Ок. [НОС, 2010, с. 690].

Название самцов этого вида представлено двумя лексемами: **Ба́раник**, -а, м. Молодой баран. Бор. [НОС, 2010, с. 20]; **Баранье**, -я, ср., собир. Бараны, животные. Вот и овечки, вот и баранье. Валд. [НОС, 2010, с. 20].

Основным систематизирующим признаком распределения наименований овцы в номинативном гнезде является возраст животного, который маркируется либо указанием на конкретный возраст, либо через абстрактную сему 'молодой / старый': **Переярье**, -я, ср. Годовалая овца. Сол. [НОС, 2010, с. 811]; **Стáрица**, -ы, ж. Старая овца. [НОС, 2010, с. 1138].

Укажем, что в функции мотивемы у наименований овцы отмечается способность рождения ягнят определенного пола: **Баранúха**, -и, ок. Овца, которая ягнила барана. Бат. [НОС, 2010, с. 20].

Овцы являются стадными животными, поэтому в большинстве своем в крестьянском хозяйстве держали сразу несколько голов овец. Поэтому словарь фиксирует наименования, отражающие эту множественность: **Бáсеньки**, мн. Овцы. Овцы – басеньки, ягнята – сюреньки. Мош. [НОС, 2010, с. 23]; **Сю́реньки**, мн. Ягнята. Овцы – басеньки, ягнята – сюреньки. Мош. + Пест. [НОС, 2010, с. 1175].

В номинативное гнездо включаются также названия детенышей овцы: *овчо́нок, осеню́тка, подъя́рок, полуя́рок, поя́рок, пúтреник2, шуру́шка, ягненчишко* и др. (описание этой лексики см в [Андреева, 2024])

На народные воззрения, относящиеся к овцам, оказали влияние библейские представления о священнослужителях-пастырях и верующих-овцах, а также христианская символика агнца. По древнерусским памятникам (Азбуковник), человек при крещении получает имя агнеца. Овца и баран у славян считаются чистыми, благословенными животными, угодной Богу жертвой [Славянские древности, 2004, т. 3, с. 502]. Согласно народной этимологии овцу создал Бог, она «из рая выскочила». Овца оказывается противопоставлена козе как нечистому и демоническому животному, созданию дьявола. А. Н. Афанасьев отмечает, что с овечьей шкурой связываются счастливые приметы, например, овчина предохраняет жениха и невесту от действия нечистой силы и злых чар, наделяет их плодородием, счастьем и богатством [Афанасьев, 1982, с. 162].

В мифологических верованиях об атмосферных осадках овцы выступают синонимом коровы – символа туч. Но, в отличие от говяд, овцы обычно связываются с легкими бездождевыми облаками. Овцы блеют, скачут – к дождю (русская примета) [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 503].

КОЗА

В номинативное гнездо, по данным НОС, входят только названия самок, что свидетельствует о том, что именно содержание козы, являющейся «заместительницей» коровы, было существенного для новгородского крестьянина.

Словарем представлено несколько наименований, называющих взрослых представительниц этого вида животных: **Козева**, -ы, ж. Коза. Раньше козеву держали. Хв. [НОС, 2010, с. 402]; **Козеха**, -и, ж. Коза. Маленька козехато, большу-то волки порвали. Ст. [НОС, 2010, с. 403].

НОС фиксирует всего 4 наименования детенышей: *ко́зка, козелóк1, козлененок, козленя́тки*.

В народных представлениях коза, в отличие от овцы, считается нечистым животным, имеющим демоническую природу, выступает как ипостась нечистой силы и одновременно как оберег от нее. В этиологических славянских легендах коза

предстает созданием дьявола (укр. чортово насінне, пол. djabelskie slworzenie, чеш. certova rodina). Козлиные ноги (рога, уши, борода) присутствуют в облике черта, лешего, домового, водяного [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 523].

В домашнем хозяйстве ценились такие качества козы как плодовитость и неприхотливость (народная поговорка: коза – лучшая скотинка: под порогом выпится, сухую метлу съест, да еще кварту молока даст) [там же].

СВИНЬЯ

В отличие от номинативного гнезда КОЗА, НОС фиксирует слова, называющие как самцов свиньи, так и самок: **Пóроз**, -а, м. Самец свиньи. Валд. [НОС, 2010, с. 911]; **Хрюк**, -а, м. Самец свиньи. Коровушка ести, хрюка подымлю, курочки. Хв. + Люб. [НОС, 2010, с. 1257]; **Хряк**, -а, м. То же, что хрюк. У хряков жиру не будет, нелегченный поросенок – хряк. Под. Вчерась кума на базар ходила за хряком. Пест. + Валд., Др., Кр., Молв., Парф., Хв., Чуд. [НОС, 2010, с. 1257].

Для характеристики взрослых самок животного в словаре зафиксированы три наименования: **Поросю́ха**, -и, ж. Свиноматка. Надо поросюху еще напоить да травы нарвать ему. Мош. + Пест. [НОС, 2010, с. 912]; **Рю́ха**, -и, ж. Большая свинья. Пудов восемь битых, во кака рюха! Такую рюху заколешь, так мяса много. Мал. [НОС, 2010, с. 1049]; **Свиню́ха** 1, -и, ж. Свинья. Свинуху я еще не покупала. Куры во дворе да свинуха была. Под. [НОС, 2010, с. 1065]. В данное номинативное гнездо включаются такие наименования детенышей свиньи, как *дюх, дю́ха, зурка (зю́рка, зю́рька), подтовáрник, рюшо́к, свиненок*.

Мотивемой названия свинья и хряк является характер звуков, издаваемых животными (чеш. svině, болг. свиня, серб. svinja из *svinъ, восходящего к звукоподражательному *su-), хряк (от хрюкать) [Маркова, 2018, с. 1199].

В повествовательной традиции широко бытуют этиологические легенды о свинье как об изначально «нечистом» животном. Один из таких сюжетов – легенда о родстве иноверцев (иудеев, мусульман) со свиньей. Большой словарь примет Т. Г. Никитиной фиксирует, что свинья – символ нечистоплотности, себялюбия и распущенности [БСП, 2009, с. 570].

Другой комплекс этиологических сюжетов связан с представлением о том, что свинья является животным, благословенным Богом и потому разрешенным в пищу христианам. Это отражено в легендах о том, как свиньи вместе с другими животными (коровами, овцами) прятали Христа во время бегства Святого семейства в Египет или накануне распятия, скрывая от преследователей его следы или местопребывание [Славянские древности, 2009, т. 4, с. 573–574].

А. Н. Афанасьев отмечает, что в преданиях индоевропейских народов свинья как животное, которое роет землю, прежде всего – символ плуга, бороздящего нивы; вихря, взметающего прах по полям и дорогам. Туманы – сивые кабаны (русская народная загадка: сиві кабаны усе поле залягли) [Афанасьев, 1982, с. 169–170].

Народные приметы соотносят образ свиньи с различными атмосферными явлениями: когда стадо свиней бежит с поля с визгом и хрюканьем, когда свинья чешется об угол избы – предвестие дождя и ненастья; если свинья бежит с соломой во рту – знак приближающейся бури; если свиньи жмутся друг к другу – следует ожидать мороза [там же]; к вьюге и пурге свиньи визжат [БСП, 2009, с. 570].

Плодовитость способствовала восприятию свиньи в народной культуре как символа благополучия и богатства. В русском фольклоре свинка – золотая щетинка – устойчивый образ солнца [Славянские древности, 2009, т. 4, с. 575].

2. Среди домашних животных кошка и собака занимают особое место. Если сельскохозяйственные животные служат для человека источником различных благ животного происхождения (мяса, молока, шерсти), как было упомянуто ранее, помогают вести домашнее хозяйство, то кошка и собака являются древнейшими животными-компаньонами, спутниками человека на охоте (собака) или в доме (кошка).

КОШКА

В этом номинативном гнезде в НОС представлено всего несколько диалектных наименований кота и кошки: **Котóк**, -а, м. Кот. Кошка котенилась, было семь котят, и вси котки, дрочила я их. Ст. [НОС, 2010, с. 447]; **Котíна**, -ы, м. Увел. Кот. Котина-то большой полез, зубами схватил, он, котенок, и заорал. Новг. [НОС, 2010, с. 447]; **Котóчек**, -а, м. Ласк. Кот. У Муськи котята, так я рыжего коточка выбрала. Пест. [НОС, 2010, с. 447]; **Кошáк**, -а, м. Кот. В ногах ластится кошак черной масти. Кр. [НОС, 2010, с. 449]; **Котю́ха**, -и, ж. Кошка. Може, каку котюху утопили, али сама утопла. Ст. [НОС, 2010, с. 448]; **Кощóнка**, -а, ж. Пренебр. Кошка. Тоненька така, сделалась кощонка-то. Уторг. [НОС, 2010, с. 451].

Словарь не фиксирует отличительных черт данного вида животных, таких как окрас, порода (единожды упоминается возраст – **Старучúха**, -и, ж. Экспр. О старой кошке. Эво старучуха-то, ишь рыбы ждет. Ок. [НОС, 2010, с. 1138]). Связано это с тем, что для диалектоносителей данные признаки были нерелевантными: кошки не были помощниками крестьянина в быту, а служили объектом внимания и ласки, как это было упомянуто ранее.

В это номинативное гнездо включаются также названия детенышей кошки: *котененок, котенчишко, котеня́тки, котóк, кощóнок*.

СОБАКА

Для номинации собаки важным является место ее содержания, так, в НОС зафиксировано название для бесхозной собаки: *Висля́га*, -и, ж. Бродячая собака. Чья-то висляга на сараи яйца съела. Тихв. [НОС, 2010, с. 115], а также порода животного: *Гончúха*, -и, ж. Собака из породы гончих. Кр. [НОС, 2010, с. 178].

Несколько слов называют щенков: *кутенок, щененок*.

Собака и кошка – животные, которые по народным поверьям, с одной стороны, обладают демоническими свойствами (кошка может обращаться в черта в Ильин день, когда Илья-пророк старается поразить черта молнией; собака – символическое соответствие волку) и часто выступают в паре, с другой, – кошка и собака – животные, способные охранять дом и принести в него счастье. Пара собака и кошка фигурирует во многих словесных формулах, поверьях и легендах, например, для отвращения от себя сглаза и порчи произносят заклинание: «На пса уроки – на кота помысел».

Как отмечено в словаре «Славянские древности», собака и кошка часто объединяются или, наоборот, противопоставляются друг другу в представлениях о чистоте или нечистоте (у кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собаки рыло погано, а шерсть чиста) [Славянские древности, 2012, т. 5, с. 94].

Собака и кошка имеют отношение к грому. Русский народ верит, что кошка и собака оберегают дом от молний, но при этом черную кошку в грозу стараются выгнать из дома. Кошки и собаки связаны со многими русскими приметами, касающимися перемены погоды: если кошка крутится, переворачивается – будет перемена погоды, кошка стенку дерет – к непогоде; собака лежит, вытянувшись – к теплу, к ясной погоде; собака лежит, свернувшись – к морозу [БСП, 2009, с. 412–413, 586].

Таким образом, из 242 словарных статей, составляющих тематическое поле «Домашние животные», лишь 15 слов называют животных – компаньонов человека. Это еще раз подтверждает то особое значение, которое имели сельскохозяйственные животные в жизни русского человека. Кошка и собака для новгородского крестьянина были животными, вызывавшими положительные или отрицательные эмоции, а не приносящими практическую пользу.

Выводы. Диалектные словари, по мнению А. Н. Лихановой, служат источником для познания этнолингвистической картины мира отдельного региона, которая по-своему вычленяет элементы объективной реальности и устанавливает круг понятий, обозначая их словом, а также в словах-категориях и формах языка выражает миропонимание народа, его ментальность [Лиханова, 2010, с. 86]. Лексика, зафиксированная в диалектных словарях, часто является единственным хранилищем информации о жизни и быте целых поколений людей.

Диалектная лексика представляет собой организованную систему, состав единиц которой оказывается специфичным в каждом диалекте, поскольку отражает особенности жизни и мировосприятия диалектоносителей. Этим объясняются в том числе и различия в качественно-количественном составе разных тематических групп лексики, образующих общее поле, как, например в рассмотренных группах домашних животных – сельскохозяйственных и компаньонов, что обусловлено внеязыковыми причинами – значением называемых объектов в повседневной жизни населения.

Включение этимологических и этнолингвистических сведений в тематический диалектный словарь позволит, с одной стороны, представить общую историю диалектного слова, проследить его связи с другими словами в том же диалекте, и с другой стороны, рассмотреть отраженные в нем этнографические и культурологические сведения, отображающие народную жизнь.

Литература

Андреева, Ю. И. (2024). Новгородские диалектные названия незрелых домашних животных. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 72–84. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-2\(12\)-72-84](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-2(12)-72-84)

Афанасьев, А. Н. (1982). *Древо жизни: избранные статьи*. Москва: Современник.

Дидковская, В. Г. (2016). Диалектные словари регионального типа как источник историко-лингвистических сведений. *Диалектное и литературное слово. История и современность: сборник статей в честь 85-летия со дня рождения Антонины Васильевны Клевцовой* (с. 29–36). Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Дидковская, В. Г., & Андреева, Ю. И. (2024). «Мир животных» в диалектной языковой картине мира. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2(53), 345–352. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2\(53\).345-352](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2(53).345-352)

Жмурко, О. И. (2011). Диалектный словарь с позиций теории языковой личности. *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*, 3(2), 210–214.

История русской лексикографии (1998). Санкт-Петербург: Наука.

Козырев, В. А., & Черняк, В. Д. (2004). *Русская лексикография*. Москва: Дрофа.

Лиханова, А. Н. (2008). Диалектные словари как этнолингвистический источник. *Вестник бурятского государственного университета*, 10, 85–89.

Маркова, Е. М. (2018). Когнитивные основания названий животных в русском языке и его диалектах в общеславянском контексте. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 160(5), 1193–1202.

Разина, А. С. (2018). Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии. *Вопросы лексикографии*, 14, 50–67. <https://doi.org/10.17223/22274200/14/3>

Сабурова, Л. В. (2018). *Домашние и дикие животные в языковой картине мира вологодского крестьянина: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Вологда: Вологодский государственный университет.

Сорокалетов, Ф. П. (1978). К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров (с. 14–24). *Диалектная лексика, 1975: сборник статей*. Ленинград: Наука.

Традиционный быт псковских крестьян (2012): опыт регионального этнолингвистического словаря. Псков: ЛОГОС Плюс.

Филин, Ф. П. (1982). *Очерки по теории языкознания*. Москва: Наука.

References

Afanasyev, A. N. (1982). *Tree of life: selected articles*. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).

Andreeva, Yu. I. (2024). Novgorod dialectal names for non-adult pets. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 72–84. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-2\(12\)-72-84](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-2(12)-72-84) (In Russian).

Didkovskaya, V. G. (2016). Regional dialect dictionaries as a source of historical-linguistic information. *Dialectal and literary word: history and modernity: collection of articles honoring Antonina Vasilyevna Klevtsova's 85th birthday* (pp. 29–36). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

Didkovskaya, V. G., & Andreeva, Yu. I. (2024). “The world of animals” in the dialect language picture of the world. *Memoirs of NovSU*, 2(53), 345–352. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2\(53\).345-352](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2(53).345-352) (In Russian).

Filin, F. P. (1982). *Essays on linguistic theory*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

History of Russian lexicography (1998). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Kozyrev, V. A., & Chernyak, V. D. (2004). *Russian lexicography*. Moscow: Drofa Publ. (In Russian).

Likhanova, A. N. (2008). Dialect dictionaries as ethnolinguistic source. *Buryat State University Bulletin*, 10, 85–89. (In Russian).

Markova, E. M. (2018). Cognitive basis of animal names in the Russian language and its dialects in the common Slavic context. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 160(5), 1193–1202. (In Russian).

Razina, A. S. (2018). Ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries as a new stage of lexicography. *Russian Journal of Lexicography*, 14, 50–67. <https://doi.org/10.17223/22274200/14/3> (In Russian).

Saburova, L. V. (2018). *Domestic and wild animals in the linguistic worldview of a Vologda peasant: dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology*. Vologda: Vologda State University Publ. (In Russian).

Sorokaletoev, F. P. (1978). On the issue of systemic relations in the lexicon of folk dialects (pp. 14–24). *Dialectal Vocabulary, 1975: collection of articles*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Traditional life of Pskov peasants (2012): Experience of a regional ethnolinguistic dictionary. Pskov: Logos Plus Publ. (In Russian).

Zhmurko, O. I. (2011). Dictionary of dialects in the view of language personality theory. *News of Higher Schools. Series “Humanities”*, 3(2), 210–214. (In Russian).

Источники

Sources

БСП (2009). Никитина, Т. Г., Рогалева, Е. И., & Иванова, Н. Н. *Большой словарь примет: около 15 000 единиц*. Москва: АСТ, Астрель.

НОС (2010). *Новгородский областной словарь*. Санкт-Петербург: Наука.

Славянские древности (1995–2014). Толстой, Н. И. (ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Москва: Междунар. отношения.*

Славянские древности (1999). Толстой, Н. И. (ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2: Д – К (Крошки)*. Москва: Междунар. отношения.

Славянские древности (2004). Толстой, Н. И. (ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка)*. Москва: Междунар. отношения.

Славянские древности (2009). Толстой, Н. И. (ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито)*. Москва: Междунар. отношения.

Славянские древности (2012). Толстой, Н. И. (ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица)*. Москва: Междунар. отношения.

Фасмер, М. (1986–1987). *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* Москва: Прогресс.

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., & Ivanova, N. N. (Eds.). (2009). *Large dictionary of weather signs: about 15,000 units*. Moscow: AST, Astrel Publ. (In Russian).

Novgorod regional dictionary. (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995–2014). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols*. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

Tolstoy, N. I. (Ed.). (1999). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 2*. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

Tolstoy, N. I. (Ed.). (2004). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 3*. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

Tolstoy, N. I. (Ed.). (2009). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 4*. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

Tolstoy, N. I. (Ed.). (2012). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 5*. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

Fasmer, M. (1986–1987). *Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Андреева, Ю. И. (2025). Номинативное гнездо как способ описания диалектной лексики. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 41–53. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-41-53](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-41-53)

For citation:

Andreeva, Yu. I. (2025). Application of nominative families as method of dialectal vocabulary description. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 41–53. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-41-53](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-41-53) (In Russian).

Негативно-приставочная лексика народных говоров в аспекте морфемной синтагматики

Н. В. Большакова, Т. В. Лысенкова

Negative-prefix lexicon of vernacular dialects in relation to morpheme syntagmatics

N. V. Bolshakova, T. V. Lysenkova

Большакова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, зав. научно-образовательной лабораторией «Социогуманитарная региони́ка», Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: bolshakova55@yandex.ru

Лысенкова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

E-mail: ziraf2024@mail.ru

Статья поступила: 19.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

Статья посвящена вопросам морфемной синтагматики – области, гораздо менее разработанной по сравнению с парадигматическими проблемами. Исследование проведено на диалектном материале. Под негативно-приставочной лексикой в работе понимается совокупность производных лексем, содержащих в своей структуре приставки *не-* и *без-*. В силу своей специфики отрицательные префиксы в народных говорах характеризуют морфемный состав целого блока системно связанных лексем. Целью работы является установление особенностей сочетаемости отрицательных приставок в составе диалектного слова при проявлении лексемой оценочного значения. Основными источниками материала служат областные словари, фиксирующие лексику соседних говоров: «Псковский областной словарь с историческими данными» и «Новгородский областной словарь». В качестве сравнительного, фонового, материала привлекаются данные других диалектных словарей Русского Севера, а также данные сводного «Словаря русских народных говоров». В результате сплошного обследования указанных словарей были выделены группы однокоренных негативно-приставочных лексем, в структуре которых сами корни выражают оценочную семантику. Анализ показал, что с корнями, выражающими положительную оценку, сочетается преимущественно приставка *не-*, и, напротив, с корнями, содержащими негативную оценку, предпочтительна сочетаемость у приставки *без-*. Вместе с тем установлено, что выявленные особенности синтагматики негативных префиксов имеют ограничения: они проявляются преимущественно в адъективной лексике или в отадъективных дериватах. В результате анализа установлено, что выявленные особенности сочетаемости действуют скорее как вероятность, а не как строгая закономерность. На большом сопоставительном материале продемонстрированы как факты проявления типовой

Natalia V. Bolshakova – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Head of the laboratory “Socio-humanitarian regionics”, Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2038-9565

Tatiana V. Lysenkova – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor of the Department of Educational Technologies, Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: 0009-0005-7524-3829

Received: 19.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

This article is devoted to morphemic syntagmatics, an area considerably less explored than paradigmatic problems. The study is conducted using dialectal material. Negative-prefix lexicon in this paper refers to a set of derivative lexemes containing the prefixes *ne-* and *bez-* in their structure. Due to their specific nature, negative prefixes in vernacular dialects characterize the morphemic composition of an entire block of systemically related lexemes. The aim of this paper is to establish the specific combinability of negative prefixes within a dialectal word when the lexeme expresses an evaluative meaning. The primary sources of material are regional dictionaries recording the vocabulary of neighboring dialects: *Pskov Regional Dictionary* and *Novgorod Regional Dictionary*. Data from other dialect dictionaries of the Russian North, as well as from the consolidated *Dictionary of Russian Folk Dialects*, are used as comparative background material. A comprehensive examination of these dictionaries revealed groups of cognate negative-prefix lexemes, the structure of which expresses evaluative semantics. Analysis revealed that roots expressing positive evaluations are predominantly combined with the prefix *ne-*, while, conversely, roots containing negative evaluations are preferentially combined with the prefix *bez-*. However, it was established that the identified syntagmatic features of negative prefixes have limitations: they manifest themselves primarily in adjectival vocabulary or in words derived from adjectives. As a result of the analysis, it was found that the identified features of compatibility act more as a probability, rather than as a strict pattern. A large amount of comparative material demonstrates both the facts of the typical valence model and cases of deviation from it. The comparative analysis method applied in the study, focusing on morphemic syntagmatics, revealed the involvement of negative prefix vocabulary primarily in the names of traits characterizing a person by their physical

валентностной модели, так и случаи отступления от нее. Примененная в работе методика сопоставительного анализа в аспекте морфемной синтагматики выявила вовлеченность в сферу негативно-приставочной лексики преимущественно наименований признаков, характеризующих человека по внешней привлекательности, по признаку силы и здоровья, по признаку ловкости, умелости в работе. В целом проведенное исследование показало плодотворность изучения негативно-приставочной диалектной лексики для воссоздания фрагментов языковой картины мира.

Ключевые слова: морфемная синтагматика, негативно-приставочная лексика, Новгородский областной словарь, Псковский областной словарь

УДК 81'373:81'282(470.24+470.25)

attractiveness, strength and health, dexterity, and skill at work. Overall, the study demonstrated the fruitfulness of studying negative prefix vocabulary in dialects for reconstructing fragments of the linguistic worldview.

Keywords: morphemic syntagmatics, negative prefixed vocabulary, Novgorod Regional Dictionary, Pskov Regional Dictionary

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Исследование диалектной словообразовательной системы в различных аспектах позволило выявить не только общие лингвистические закономерности в языковой среде с некодифицированной нормой, но показать широкие возможности познания мира человека через анализ производных номинаций: «Словообразование <...> дает возможность понять, какие ценности

удерживает сознание. Оно эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка» [Вендина, 1998, с. 10]. Как показало комплексное исследование лексики с отрицательными приставками, она номинирует и одновременно характеризует значительный по объему и тематическому охвату состав объектов окружающей действительности, тем самым представляя важный фрагмент языковой картины мира человека [Степанова, 2008]. Когнитивной и лингвокультурологической значимостью негативно-приставочной лексики обусловлена актуальность темы исследования. Под негативно-приставочной лексикой в работе понимается совокупность производных лексем, содержащих в своей структуре приставки *не-* и *без-*. Уже в составе средневековой лексики русского языка прототипы данных префиксов проявляли продуктивность и признак свободной дистрибуции [Матвеевко, 2009]¹. В современных русских народных говорах отрицательные префиксы характеризуют морфемный состав целого блока системно связанных лексем.

История вопроса. В основе настоящего исследования лежат работы, показывающие специфику аффиксально-корневого взаимодействия в структуре русского слова, посвященные вопросам морфемной синтагматики. Поскольку префиксальный способ словообразования свойствен преимущественно глаголам, то большинство исследований проводится на материале глагольной лексики либо литературного языка [Кронгауз, 1998; Щеболева, 1980], либо народных говоров [Шаброва, 2003]. Анализу именной лексики

¹ На материале одного из ранних переводов с греческого автор выявляет ряд «полнозначных приставок» с семантикой негации, в числе которых элемент *зло-* (*злообразие / безобразие* – приведено нами в современной графике) [Матвеевко, 2009, с. 167–169], в связи с чем интересно отметить диалектное слово *беззловредной* ‘безвредный’ (*Мурашы из насекомых ползают, они беззловредныйе*) [АОС, 1980, с. 149]. В современных говорах элемент *зло-* в составе слова близок по значению второму корню *вред-*, что создает эффект усиления, смысловой редупликации, функция отрицательной приставки *без-* перевести значение композита в положительный регистр.

в аспекте морфемной синтагматики посвящена работа, раскрывающая продуктивность модели отадъективных существительных с суффиксом *-ость*, причем автор отмечает «активность производства имен на *-ость* от основ прилагательных, в структуру которых входят префиксы *без-* и *не-*» в современных, динамически развивающихся, процессах неологии [Сенько, 2017, с. 140].

Диалектная морфемика на материале именных архаических приставок *па-*, *пра-* и *су-* была исследована в диссертации А. Е. Александровой, где были затронуты в том числе и вопросы парадигматических связей префиксов с детализацией внутри семантики негации (ср. *паклен – неклен* и под.) [Александрова, 2003]. В одной из последних монографических работ субстантивная производная лексика в смоленских говорах изучена путем описания схем морфемной сочетаемости [Лунькова, 2024]. В данной диссертации представлен внушительный по объему реестр структурных моделей диалектных имен существительных, однако негативно-приставочная лексика занимает среди них незначительное место. Так, приставка *без-/бес-*, характеризующая структуру слов *бездонник, бездонье, безрукавка, безрукавник, безрукавница, бесполичница, беспятки, бестарка*, деривационно входит в состав конфикса. Префикс *не-* представлен единственным примером *неудодье ← удодье*, где он выполняет и деривационную роль; другие дериваты уже содержат отрицание в производящей базе исходного прилагательного (*неудоба*) либо глагола (*незасевок*) [Там же, с. 184, 221 (приложения)]. Выявленный материал, к сожалению, не позволяет установить системные связи в составе негативно-приставочной лексики в данном источнике.

Методология и методика исследования. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотрения диалектного материала сквозь призму синтагматики: закономерностей сочетаемости структурных элементов производного слова, вариативности на префиксально-корневой границе. Вопросы, связанные с морфемным швом (степень четкости границы, наличие морфонологических явлений, специфика функции аффикса) в той или иной степени рассматривались на диалектном материале, в том числе и в работах одного из авторов статьи [Азарх, 2000; Александрова, 2003; Лысенкова, 2017]. В работе используется сопоставительный метод для выявления закономерностей в валентностных свойствах негативных приставок *без-* и *не-* при их сочетании с корнями однородной семантики.

Анализ материала. Целью работы является установление особенностей сочетаемости отрицательных приставок в составе диалектного слова при проявлении лексемой оценочного значения. Основными источниками материала служат областные словари, фиксирующие лексику соседних говоров: «Псковский областной словарь с историческими данными», «Новгородский областной словарь». В качестве сравнительного, фонового, материала привлекаются данные других диалектных словарей Русского Севера, а также данные сводного «Словаря русских народных говоров».

Корень как недеривационная морфема именного или глагольного типа в семантическом отношении может быть выразителем конкретного либо абстрактного понятия; быть нейтральным в оценочном отношении либо коннотативно отмеченным – нести в себе положительную или отрицательную оценку.

Отрицательные приставки, сочетаясь с обоими типами корней по частеречной соотнесенности, тем не менее, дифференцируются по признаку предпочтения. Так, для

приставки *без-* более характерна сочетаемость с именными корнями (*безбедина, безбожник, безветерье, бездождие* и др.), в том числе в составе глаголов (*безволить*). Эту особенность приставки *без-* ярко демонстрируют работы О. Д. Суриковой, в которых представлен развернутый семантико-мотивационный анализ русских диалектных и общенародных слов с приставкой *без-*, образованных от обозначений соматических объектов [Сурикова, 2012], и исследовано функционирование модели «без- + соматизм» в антропонимах русского и украинского языков [Сурикова, 2013]. Таким образом, как видим, автор проводит исследование негативно-приставочной лексики в парадигматическом и синтагматическом аспектах. Приходя к выводу о маркировании в языке различных физиологических отклонений от нормы, автор справедливо подчеркивает, что это «соответствует свойствам языка как ценностной системы: избегание номинаций нейтральной позиции и детализированное освоение степеней и разновидностей проявления признака (высокой, максимальной, аномальной) или его отсутствия (полного или частичного)» [Сурикова, 2012, с. 54]. Наш опыт исследования негативно-приставочной лексики, относящейся к характеристике человека, также свидетельствует о преобладании номинаций «не-нормы», норма же в понимании человека либо положительно оцениваемые признаки выражаются имплицитно, отражая «как бы и без того известный императив».

В результате сплошного обследования основных словарей территориально близких говоров были выделены группы однокоренных негативно-приставочных лексем, в структуре которых сами корни выражают оценочную семантику.

Так, выяснилось, что с корнями, выражающими положительную оценку, сочетается преимущественно приставка *не-*, и, напротив, с корнями, содержащими негативную оценку, предпочтительна сочетаемость у приставки *без-*.

Приведем примеры, подтверждающие эту закономерность, из «Псковского областного словаря»: *безбѣдность* (*В безбѣдности весь век пражыла за сваим мужиком*); *безбѣдный* (без. цит.); *безболѣзный* (*Сотвори им, господи, андельская безболезная печаль, умножь безконецное жильє*); *безобѣдно* (*Зямля дялilьсь пѣ ядакам, штобы бизабиднѣ былѣ*); *безопасный* (*Дашшянка – еть лотка самая безопасная, ана из дасок зделана*), см. также: *безопаска* (*В меня есь бритва, да плахая, а бизопаскай срежысся*), *безопасно* (*Ни страшна в лес итти, ни заблудитя, безопасна, говорят, не бойтєсь*), *безопасность* (*Там ему бизопаснѣсть, спит, а ф поле ему апаснѣсть е*) [ПОС, 1967, с. 147–156].

Аналогичная картина наблюдается в новгородских говорах: *безболѣзный* (*Так это безболезно, какой-то желвак растет*); *безгрѣшный* ‘без червей, хороший’ (*Грибы безгрѣшные*) [НОС, 2010, с. 29–32].

Данные о сочетаемости префикса *не-*² из «Псковского областного словаря»: *небаский* ‘некрасивый, неказистый’ (Без цит.), *невдалый* ‘неудачливый, несчастливый’ (*Паринь такой он нявдалый, фсе яму ня вязет*), *негарной*³ ‘некрасивый, неприглядный’ (*Дефка за няго пашла, нягарная, малá да худá, да костяста*),

² Лексические материалы данного типа в обоих словарях, и особенно в ПОС (в силу того, что это словарь полного типа), представлены довольно большим списком, приведем лишь лексемы, имеющие преимущественно собственно диалектный характер. Цитирование словарей осуществлено с сокращениями: извлечена только актуальная для статьи информация.

³ См. *гáрный* ‘хороший, красивый’ (*Какой гáрный платочик*) [ПОС, 1984, с. 142].

негóдливый ‘плохой, негодный’ (*Негодливый сын*), *недóбрик* ‘нечистый дух, черт’ (*Приходить к нам недобрик, недобрик етъ па-нашъму чорт*), *недúжий* ‘нездоровый, больной’ (*А мой мужык толькъ за месиц да смерти недужый был, а так никагда ни жалъвълся*), *недúжий* ‘слабый, хилый, немощный’ (*Я-та нядяглая тяперь, нядюжая, сил сафсем нет*), *нечéредный / нечередный*, ‘неаккуратный, неряшливый’ (*Есь багатая, а нячеридная, комнаты ня уборныи; Какая нечэренная, скажут, какая грязышша*) [ПОС, 2009, с. 13–299].

Данные о сочетаемости префикса *не-* из «Новгородского областного словаря»: *недúжой* (*Недужая я стала, старая*), *некрасовúтый* ‘непривлекательный на вид, некрасивый’ (*Всякие показались: и некрасовитые, и курносые; Мужик-то у ей некрасовитый, но добрый хозяин*), *неладовóй* ‘неладный, нехороший, некрасивый’ (*Дерево, споначалу неладовое, корявое, всяким вавилонам растет, и есть комлюшинное*), *нелáжий* ‘непокладистый, неуживчивый’ (Без цит.), *неловкóй* ‘некрасивый на вид’ (*Был у нас Сашка Антипов, такой неловкой, лобастый, нескладиша*), *нелúбый* ‘такой, который не нравится, не ценится’ (*Слепушки таки дак, ни одной мякушки, нелюбые ягоды*), ‘такой, которого не любят; нелюбимый’ (*Нелюбый мужик, дак зачем шла; Нелюбая была бабушка*), *непровóрый* ‘неискусный, неумелый’ (*Мужик у ней непроворый: дела не видит; Я пришла, ткется близнам: таки бабы непроворые были*), *нерадúвый* ‘трудный, плохой’ (*Нерадивая жизнь-то раньше была*) [НОС, 2010, с. 629–646]. Ср. также в вологодских говорах в значении ‘некрасивый на вид’: *неказúмый* (*Неказимой Ваня-то был, но добрый, услужливый, погиб тожо; Старые люди все неказимые, сгорбатились*), *некрасовúтый* (*Максим-то в свою родню некрасовитый такой; Манька-то уж больно некрасовитая*) [СВГ, 1990, с. 94–95].

Как показывает материал, наблюдаемые особенности синтагматики негативных префиксов все же имеют ограничения: они проявляются в адъективной лексике или в отадъективных дериватах. Более того, выявленные особенности сочетаемости действуют скорее как вероятность, а не как строгая закономерность.

Например, прилагательные с корнем *грех-* в псковских говорах могут реализовать обе модели: *безгрéшный* (иллюстрации даны выше) и *негрéшный* (мн.) ‘люди, живущие согласно заповедям, моральным предписаниям христианства’ (*Ну вот чилавек памрет, и яво судют, куда он гош. Гош он у рай или у ат. Суд на грешных и нягрешных – так я думаю*) [ПОС, 2009, с. 68]. Оба типа отмечаются при реализации отрицательной семантики с корнем *опас-*: *безопáсный* и др. (иллюстрации даны выше) и *неопáсный* ‘неспособный причинить зло, неприятности’ (*А на правой руке – эта Стяшова, изепка там маленькая такая, живе там бапка неопасная, добрая*) [Там же, с. 181].

Речевые реализации всегда сложнее и разнообразнее, чем типовые модели, тем более в диалектной речи с характерной для нее вариантностью [Васильева, 2024]. Так, в выражение значения ‘слабый физически, бессильный’, ‘болезненный’ в разных говорах могут быть вовлечены обе негативные приставки: *бессúлой* (*Худенькая такая, бессилая, слабосилая*) [АОС, 1982, с. 16] – *недúжой* (*Недужая я стала, старая*) [НОС, 2010, с. 629–646], *недúжий/недúжой* (*Она недужая, все хворает; Мать-то наша и смолоду недужая была, а теперь уж и подавно захирела*) [СВГ, 1990, с. 92]. Корень *рях-/ряш-*, в беспрефиксных образованиях реализуя положительную оценку (ср. *ряха* ‘чистоплотный, опрятный человек’: *Наш это парень, **ряха** он, красивый, хороший парень, **ряшливый***

парень. Арх. Ср. Урал [СРНГ, 2001, с. 358]), сочетается с обеими отрицательными приставками для выражения негативного значения: общерус. и пск. *неря́ха* (*У нас е такая неряха, што и не помоеца, ходит грязная; Неряха, разви дель с неприбрънным хадить*) [ПОС, 2009, с. 228] – *безря́ха* (*Сноха такая безряха; Хозяйка-то безряха попалась*) [СВГ, 1983, с. 28]; *безря́ха* (*Ну, уж какая и безряха она!* Сольвыч. Волог.) [СРНГ, 1966, с. 199].

Как показывает анализ, в систему отношений негативных приставок вовлечена как общерусская, так и собственно диалектная лексика. Очевидно, что только учет полноты функционирующего в говорах словарного ресурса позволяет выявить фактические закономерности и возможные исключения. Например, сводный «Словарь русских народных говоров» фиксирует обширный ряд слов, содержащий корень *раж-* (*ражево́й, ра́жий* и мн. др.) в бесприставочных образованиях с положительной семантикой [СРНГ, 1999, с. 251–252]. Новгородские говоры также активно используют положительно-оценочное многозначное прилагательное *ра́жий* в значениях: ‘хороший’ (*Мужик-то у меня гораз ражий был, мы все вместях делали*), ‘сильный’ (*Он у их ражий, бревно сдвинет*), ‘красивый, видный; статный’ (*Ражий – красивый парень, баской, модный*) [НОС, 2010, с. 991–992]. Здесь закономерно реализуется выявленная модель сочетаемости отрицательной приставки *не-* с положительно-оценочным корнем: *нера́жий* ‘некрасивый, невзрачный’ (*Обе дочки неражи*), ‘слабосильный, неказистый’ (*Воз-то грузной, а лошаденка неряхая, гляди что в гору-то и не выздынет*), ‘не такой, как следует, каким должен быть’ (*Дяденька был наш неражий. Неражий – плохой человек*) [Там же, с. 641]. Другие говоры рассматриваемого региона с разной степенью представленности демонстрируют установленную закономерность (в севернорусском ареале значительно более актуальную по сравнению с северо-западным): *нера́жий/неря́жий* ‘нехороший, плохой’ (*Неражая де́йка-то она, вино пьет, курит; Банька-то у меня неражая, старая; Домишко неражий, и тот разорят; Баня-то неряхая, да своя*); ‘неладный’ (*Какой уж неражий растет, а мать красивая; Неражая одежда, а нарядней нету*); ‘болезненный, слабый здоровьем’ (*Глянь, неражий такой, еле тащится*) [СВГ, 1990, с. 103]; *нера́жий* ‘лишенный положительных качеств’ (Без цит.), *нера́женький* ‘хилый, слабый здоровьем’ (Без цит.) [ПОС, 2009, с. 216].

Вопреки ожидаемому в новгородских говорах негативную семантику – ‘некрасивый’ отражает слово *сурáзный* (*Миха-то у Васи какой-то суразный, в кого такой?*) [НОС, 2010, с. 1162]. В псковских говорах, наоборот, слова *сурáжий, сурáзый, сурáзный*, согласно Словарю Даля, имеют положительную коннотацию: ‘видный, пригожий, казистый’ (*Суражая девка*) [Даль, 1980, с. 362]. Лексикю с положительной семантикой в приставочных лексемах (*сурáжный, сурáжий* и др.) наряду с негативно-приставочными словами с префиксом *не-* (*нера́жий, неражо́вый* и др.) в большом объеме фиксирует «Словарь русских народных говоров» [СРНГ, 1986, с. 138; 2008, с. 272–274]. Таким образом, положительно-оценочное значение в говорах выражается как бесприставочными словами с корнем *раз-/раж-*, так и словами с приставкой *су-*. Как деривационная реакция на такое выражение положительной оценки по описанной типовой модели в псковских говорах негативное значение реализуется префиксом *не-*: *несура́зный* ‘некрасивый’ (*Гарас он нисустáвный, нисуразный; Она така несуразная у них была; Дочки такие были у них нисуразные, никто с ними не гулял; Она с лица несуразна*); *несура́зый* ‘то же’ (*Он нясуразый*

такой был, някрасивый, нос бальной); несурягий 'то же' (Нисурягъй, никрасивый муш у Машки-ть Язевъй) [ПОС, 2009, с. 255]⁴.

Для выяснения источников отмеченных выше противоречивых явлений в составе рассматриваемой группы слов следует учесть все данные, в том числе время фиксации диалектного материала, однако скорее всего причины кроются в постепенном затемнении семантики корня (допустима и звуковая аттракция корней).

Результаты исследования. В силу обширности темы в статье был рассмотрен только один основной блок проблем, связанный с выяснением закономерностей сочетаемости приставок *без-* и *не-* в составе негативно-приставочных образований. Ограничения в выборе исследовательского поля связаны также с корнями оценочного характера. В качестве эмпирической базы избраны диалектные данные преимущественно соседних псковских и новгородских говоров. При естественности несовпадения в составе лексических материалов (что обусловлено в первую очередь составом словников в лексикографических источниках – дифференциальных либо полных диалектных словарях) типы основных моделей сочетаемости оказались сходными. Результаты исследования показали, что на тип сочетаемости негативных приставок оказывает влияние оценочный характер корня: для приставки *не-* характерна сочетаемость с корнями, выражающими положительную оценку, приставка *без-* проявляет преимущественно сочетаемость с корнями, содержащими негативную оценку. За рамками установленной закономерности, тем не менее, в говорах остаются языковые факты (однокоренные разноаффиксные параллели), обусловленные деривационными особенностями каждого из префиксов (*безгрешный* ← *грех*, *негрешный* ← *грешный*) либо взаимодействием моделей внутри диалектной системы (*безопасный*, *неопасный*).

Выводы. Категория негации как одна из универсальных философских и лингвистических категорий на уровне морфемной синтагматики не получила еще необходимого освещения. Особенно актуальными остаются разработки на базе диалектного материала, так как они способны выявить когнитивные особенности народного сознания и ценностные доминанты традиционной культуры.

Примененная в работе методика сопоставительного анализа в аспекте морфемной синтагматики выявила вовлеченность в сферу негативно-приставочной лексики преимущественно наименований признаков, характеризующих человека по внешней привлекательности (*небáский*, *негарно́й*, *некрасови́тый*), по признаку силы и здоровья (*безболéзный*, *недюжо́й*), по признаку ловкости, умелости в работе (*непровóрый*). В отдельных случаях, судя по словарным дефинициям, эти свойства воспринимаются как синкретичные (*неладово́й* 'неладный, нехороший, некрасивый'). Дальнейшее исследование негативно-приставочной лексики с учетом семантической отнесенности корня (например, слов с корнями, отражающими родственные связи: ср. пск. *безбатешный*, *безотцовщина*, *бездетинный* и др. и новг. *безматошный*) представляется перспективным для воссоздания целостной языковой картины мира.

⁴ Разговорная сфера литературного русского языка, как известно, знает негативно-приставочное прилагательное *несуразный* 'нелепый, несообразный', 'нескладный' [МАС, 1982, с. 483–484]. По данным Ю. С. Сорокина, слово *несуразный*, впервые зафиксированное в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852), получает широкое распространение «в художественной литературе и публицистике второй половины века, не только применительно к характеристике лица, его внешности или поведения (как в народных говорах), но и для выражения логической несообразности и т. д.» [Сорокин, 1965, с. 488].

Литература

Азарх, Ю. С. (2000). *Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте*. Москва: Наука.

Александрова, А. Е. (2003). *Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками па-, пра-, су- в русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Псков, Великий Новгород: Новгородский государственный университет.

АОС (1980). *Архангельский областной словарь: в 25 т. Т. 1: А – Бережок*. Москва: Изд-во МГУ.

АОС (1982). *Архангельский областной словарь: в 25 т. Т. 2: Берёза – Бяце*. Москва: Изд-во МГУ.

Васильева, О. В. (2024). Проблема отражения вариативности слова в диалектном словаре (на материале «Псковского областного словаря с историческими данными»). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 21(1), 106–127. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.106>

Вендина, Т. И. (1998). *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. Москва: Индрик.

Даль, В. И. (1980). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4*. Москва: Русский язык.

Кронгауз, М. А. (1998). *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва: Языки русской культуры.

Лунькова, Е. С. (2024). *Производная лексика смоленских говоров в пространстве восточнославянского диалектного континуума: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Смоленск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова.

Лысенкова, Т. В. (2017). Отражение системных связей слов в словаре негативно-приставочной лексики говоров. *Ученые записки НовГУ*, 3(11), 1–3.

МАС (1982). *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К–О*. Москва: Русский язык.

Матвеевко, В. А. (2009). Отрицательные приставки в переводном древнерусском памятнике. *Логический анализ языка: ассерция и негация* (с. 162–172). Москва: Индрик.

НОС (2010). *Новгородский областной словарь*. Санкт-Петербург: Наука.

ПОС (1967). *Псковский областной словарь с историческими данными: в 29 вып. Вып. 1: А – Бибишка*. Ленинград: ЛГУ.

ПОС (1984). *Псковский областной словарь с историческими данными: в 29 вып. Вып. 6: Вылабать – глушинник*. Ленинград: ЛГУ.

ПОС (2009). *Псковский областной словарь с историческими данными: в 29 вып. Вып. 20: Наквата – Наюрить*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Сенько, Е. В. (2017). Синтагматика морфем как проявление незамкнутости деривационных контактов.

References

Aleksandrova, A. E. (2003). *Structural-semantic features of lexemes with low-productive archaic nominal prefixes pa-, pra-, su- in the Russian language: dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology*. Pskov, Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russian).

Arkhangelsk regional dictionary: in 25 vols. Vol. 1 (1980). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian)

Arkhangelsk regional dictionary: in 25 vols. Vol. 2 (1982). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian).

Azarkh, Yu. S. (2000). *Russian nominal dialect word formation in the linguistic and geographical aspect*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Dal, V. I. (1980). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol. Vol. 4*. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 2 (1966). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 21 (1986). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 33 (1999). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 35 (2001). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 42 (2008). Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Dictionary of Vologda dialects (1983). *Instructional book on Russian dialectology: in 12 vols. Vol. 1*. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Press. (In Russian).

Dictionary of Vologda dialects (1990). *Instructional book on Russian dialectology: in 12 vols. Vol. 5*. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Press. (In Russian).

Krongauz, M. A. (1998). *Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury Publ. (In Russian).

Lunkova, E. S. (2024). *Derivative vocabulary of Smolensk dialects in the space of the East Slavic dialect continuum: dissertation for the degree of Dr. Sci. in Philology*. Arkhangelsk: M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University Publ. (In Russian).

Lysenkova, T. V. (2017). The reflection of the paradigmatic relations of words in the dictionary of negative-prefix vocabulary of dialects. *Memoirs of NovSU*, 3(11), 1–3. (In Russian).

Matveenko, V. A. (2009). Negative prefixes in a translated Old Russian monument. *Logical analysis of language: assertion and negation* (pp. 162–172). Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Novgorod regional dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 1 (1967). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian).

Международный научно-исследовательский журнал, 7(61)-1, 139–143. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.011>

СВГ (1983). *Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии: в 12 вып. Вып. 1: А–Г*. Вологда: Изд-во ВГПИ.

СВГ (1990). *Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии: в 12 вып. Вып. 5: Морда–Обрадеть*. Вологда: Изд-во ВГПИ.

Сорокин, Ю. С. (1965). *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века*. Москва, Ленинград: Наука.

СРНГ (1966). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 2: Ба – Блазниться*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (1986). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 21: Негораздый – Обвива*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (1999). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 33: Протка – Разлука*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (2001). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 35: Реветь – Рящик*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

СРНГ (2008). *Словарь русских народных говоров: в 52 т. Вып. 42: Стриж – Сухловина*. Москва, Санкт-Петербург: Наука.

Степанова, Т. В. (2008). *Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Псков.

Сурикова, О. Д. (2012). К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции. *Научный диалог*, 12: *Филология*, 30–62.

Сурикова, О. Д. (2013). Отсоматические образования с приставкой *без-* в русском и украинском антропонимиконе. *Вопросы ономастики*, 1(14), 58–78.

Шаброва, Е. Н. (2003). *Морфемика диалектного глагола*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Щеболева, И. И. (1980). *Принципы словообразовательного синтеза*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та.

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 6 (1984). Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 20 (2009). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Russian Language Dictionary: in 4 vols. Vol. 2 (1982). Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Senko, E. V. (2017). Syntagmatics of morphemes as the manifestation of the nonclosure of derivation contacts. *International Research Journal*, 7(61)-1, 139–143. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.61.011> (In Russian).

Shabrova, E. N. (2003). *Morphemics of the dialectal verb*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russian).

Shcheboleva, I. I. (1980). *Principles of word-formation synthesis*. Rostov-on-Don: Rostov University Publ. (In Russian).

Sorokin, Yu. S. (1965). *Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830–1890s*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Stepanova, T. V. (2008). *Category of negation in the morphemic structure of the word (based on dialect speech): dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology*. Pskov. (In Russian).

Surikova, O. D. (2012). On study of semantic peculiarities of somatic derivatives with prefix *bez-* in Russian linguistic tradition. *Scientific Dialogue*, 12: *Philology*, 30–62. (In Russian).

Surikova, O. D. (2013). Derivatives of somatisms prefixed with *bez-* (без-) in Russian and Ukrainian anthroponymy. *Problems of Onomastics*, 1(14), 58–78. (In Russian).

Vasilyeva, O. V. (2024). The problem of reflecting the variability of a word in a dialect dictionary (on the material of the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21(1), 106–127. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.106> (In Russian).

Vendina, T. I. (1998). *The Russian linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Большакова, Н. В., & Лысенкова, Т. В. (2025). Негативно-приставочная лексика народных говоров в аспекте морфемной синтагматики. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 54–63. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-54-63](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-54-63)

For citation:

Bolshakova, N. V., & Lysenkova, T. V. (2025). Negative-prefix lexicon of vernacular dialects in relation to morpheme syntagmatics. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 54–63. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-54-63](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-54-63) (In Russian).

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

№ 3(17) 2025